

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
Институт славяноведения  
и балканистики

# ИСТОРИЧЕСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ И СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД



Москва  
"НАУКА"

Главная редакция восточной литературы  
1989

678	* <i>kiʔ</i> <sup>B</sup>	‘рубить дерево’	400	* <i>xoʔ</i> <sup>B</sup>	‘восемь’
6	* <i>kò</i> <sup>B</sup>	‘горячий’	73	* <i>ʔim</i>	‘облако’
399	* <i>ko ʔ</i> <sup>B</sup>	‘шея’	71	* <i>ʔe</i>	‘навоз’
679	* <i>kwiʔ</i> <sup>B</sup>	‘бросать’	253	* <i>ʔeŋ</i>	‘имбирь’
680	* <i>kwa ʔ</i> <sup>B</sup>	‘препятствие’	75	* <i>ʔep</i>	‘узкий’
115	* <i>kwaŋ</i> <sup>B</sup>	‘кольцо’	72	* <i>ʔä</i>	‘любить’
682	* <i>kriʔ</i> <sup>B</sup>	‘вид ножа’	76	* <i>ʔ[ä]ŋ</i>	‘кусать’
683	* <i>[kr, x]y ʔ</i> <sup>B</sup>	‘женатый’	157	* <i>ʔy</i>	‘гнить’
438	* <i>krä</i> <sup>B</sup>	‘веять рис’	175	* <i>ʔá</i>	‘много’
8	* <i>krä</i> <sup>B</sup>	‘насекомое’	287	* <i>ʔa ʔ</i>	‘немой’
291	* <i>klo ʔ</i> <sup>B</sup>	‘канавка’	74	* <i>ʔam</i>	‘еда’
787	* <i>klo ʔ</i> <sup>B</sup>	‘язык’	523	* <i>ʔú</i>	‘острый на вкус’
501	* <i>klo</i> <sup>B</sup>	‘скот’	273	* <i>ʔú</i>	‘дуг’
152	* <i>xäŋ</i>	‘сухой’	233	* <i>ʔo</i>	‘пустой’
91	* <i>xu ʔ</i>	‘горное поле’	156	* <i>ʔo ~ ʔo</i>	‘быгь, жить’
371	* <i>[x]ä</i>	‘пугать шумом’	583	* <i>ʔo ʔ</i>	‘открыть’
267	* <i>[x]ü</i>	‘равномерный’	99	* <i>ʔo</i>	‘пить’
369	* <i>[x]ü</i>	‘искать’	387	* <i>ʔN</i>	‘плохой’
200	* <i>xü</i>	‘шесть’	654	* <i>ʔwi</i>	‘небольшая насыпь’
355	* <i>xó</i>	‘жарить на углях’	101	* <i>ʔwi</i>	‘носить’
370	* <i>[x]N</i>	‘тяжелый’	474	* <i>ʔwä</i>	‘coitus’
354	* <i>xwi</i>	‘кость’	136	* <i>ʔwä</i>	‘белый’
			816	* <i>ʔwä</i>	‘прятаться’

#### СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

П	—	палайчи	ПК	—	протокаренский
ПБ	—	пво Бассейна	СБ	—	сго Бассейна
ПМ	—	пво Мультмайна	СМ	—	сго Мультмайна
Т	—	таунтху			

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Burling R.* Proto-karen: a Reanalysis. Occasional Papers of the Wolfenden Society on Tibeto-Burman Linguistics. Urbana, 1969.
2. *Jones R.B.* Karen Linguistic Studies. University of California Publications in Linguistics. Berkeley, 1961. Vol. 25.

А.Н. Головастиков

## ГИПОТЕЗА ВТОРИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОНОВ В ЛОЛО-БИРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

### ВВЕДЕНИЕ

В языковой ареал Китая и Юго-Восточной Азии входят следующие языковые семьи: 1) китайско-тибетская; 2) тайская (включая "кадайские" языки); 3) австронезийская; 4) австроазиатская (включая вьетнамский язык и языки мунда); 5) мяо-яо. Очень вероятно, что существует генетическое родство между австронезийскими и тайскими языками, а также между австроазиатскими и мяо-яо [9].

Название «китайско-тибетские языки» первоначально было введено для обозначения генетической общности, включающей китайский, тайские и тибето-бирманские языки [17]. Иногда сюда же относили без каких-либо определенных оснований языки мяо-яо. В настоящее время подавляющее большинство специалистов считает тайские языки не родственными китайскому и тибето-бирманским, сохраняя термин «китайско-тибетские языки» лишь для обозначения этих двух последних. В качестве отдельной, третьей ветви часто выделяют каренские языки, которые в противном случае причисляются к тибето-бирманским.

Объединение многих десятков языков в огромную тибето-бирманскую ветвь, противопоставленную китайской ветви, должно подразумевать, что между любыми двумя тибето-бирманскими языками генетическая близость больше, чем между каждым из них и китайским языком. Такое утверждение вызывает серьезные сомнения и во всяком случае не может считаться доказанным. Более обоснованным и практически удобным оказывается поэтому выделение целого ряда групп, объединяющих лишь несомненно близкородственные языки. Некоторые группы состоят всего из одного языка. Условно, в рабочем порядке можно считать, как это фактически часто и делается, что все группы генетически более или менее одинаково удалены друг от друга. Реальные отношения между ними требуют дальнейшего изучения, а предлагаемые классификации нуждаются в подробной и конкретной аргументации.

К числу таких групп относятся: 1) китайская; 2) каренская; 3) тибетская (тибетский язык с многочисленными диалектами и языки гьярунг, пати, вассу, такпа, цангла, таманг, гурунг); 4) гималайская (языки канаури, канаши, читхули, тхебор, бунап, ранглои, жан-жун и др.); 5) киранти (языки бахинг, кхалинг, раи, сунвари, лимбу, кхамбу, кулунг и др.); 6) ваю-чепанг-магари; 7) невари; 8) лепча; 9) лоло-бирманская; 10) качинская; 11) нага-куки-чинская (или отдельно – нага и куки-чинская); 12) бодо-гаро; 13) коньяк (языки банпара, табленг, тамлу, мошанг, намсанг и др.); 14) дзоргай; 15) бай; 16) пью; и др.

Лоло-бирманская группа занимает второе место как по числу входящих в нее языков (после нага-куки-чинской), так и по численности говорящих (после китайской). Реальность существования этой группы не вызывает сомнения: не говоря уже о данных глоттохронологии и о существовании специфических лоло-бирманских инноваций (например, тон \*3), можно констатировать, что в настоящее время удается реконструировать лоло-бирманский праязык, из которого выводятся лоло-бирманские языки и не выводятся другие китайско-тибетские языки. В то же время, китайско-тибетские или тибето-бирманские реконструкции сопоставимого качества пока отсутствуют.

Внутренняя классификация лоло-бирманской группы до конца еще не ясна. С уверенностью можно выделить внутри нее бирманскую (или мару-бирманскую) подгруппу, включающую бирманский язык и языки аци (или цзайва), мару (или лонг), лаши (или леци), ачанг и пхон, причем последние пять языков ближе друг к другу, чем к бирманскому. Бирманский язык – единственный древнеписьменный язык этой группы и один из всего лишь нескольких древнеписьменных китайско-тибетских языков, что делает его исключительно важным с точки зрения сравнительно-исторических исследований. Первые точно датированные письменные памятники относятся к XII в. Кроме стандартного языка, на котором говорит подавляющее большинство бирманцев, существует ряд диалектов: араканский, тавойский, инта, дачу, ян, ябейн, таунгйо.

Все остальные лоло-бирманские языки объединяются под названием лоло и часто рассматриваются в качестве второй подгруппы лоло-бирманских языков, противопоставляемой мару-бирманской подгруппе. П. Бенедикт выделяет не две, а три подгруппы: 1) мару-бирманскую; 2) северную лоло, включающую языки лису, ахи (или аси), сани (или ни), насу (или носу) и др.; 3) южную лоло, включающую языки лаху, акха, вони, пхуной, бису, языки черных и белых лоло и др. [12]. Очень вероятно, что лоло-бирманская группа делится в действительности даже более чем на три равноправных подгруппы (например, на мару-бирманскую, акха-вони, лаху, бису-пхуной и северную лоло). Как синоним лоло употребляется иногда название «и», или

«ицзу», однако чаще оно обозначает лишь северных лоло или, еще более узко, насу. С лоло-бирманскими языками явно связаны два очень близко родственных друг другу языка – нахи и мосо. Возможно, к ним близок также тангутский язык.

Все современные лоло-бирманские языки имеют тоновые системы, включающие в разных языках от трех до семи тонов. Регулярные фонетические соответствия тонов были впервые в общих чертах установлены Р. Шейфером на материале языков акха, пхуной, сани, ахи, лолопхо и бирманского [37]. В слогах без шумной терминали (т.е. в слогах, оканчивающихся на гласный или сонант) он выделил два основных типа соответствий, которые назвал «нулевым тоном» и «падающим тоном». Хотя реконструированные формы в явном виде не приводятся, нулевой и падающий тоны следует рассматривать, по-видимому, как два гипотетических пралоло-бирманских тона. В бирманском языке нулевому тону соответствует тон 1 (ровный), а падающему тону – тон 2 (падающий). Р. Шейфер пришел к выводу, что бирманскому тону 3 (глоттализированному) в языках лоло соответствует несколько разных тонов и что тем самым он не восходит к какому-либо определенному пралолобирманскому тону. Шейфер также показал, что в слогах с шумными терминалями (т.е. в слогах, оканчивающихся на -р, -л, -с, -к), которые в бирманском языке не имеют тоновых различий, можно выделить несколько разных регулярных типов тоновых соответствий на основании языков лоло. Однако он не пришел к какому-либо определенному выводу относительно происхождения тоновых противопоставлений в слогах этого типа.

Точнее и на более надежном языковом материале установил тоновые соответствия Р. Берлинг, сравнивший шесть лоло-бирманских языков: бирманский, аци, мару, лису, лаху и акха [16]. Игнорирование Берлингом древнебирманского языка и современной бирманской письменности, основанной на традиционном принципе орфографии, привело к ряду ошибок в реконструкции, но не отразилось на реконструкции тонов. Согласно Берлингу, пралолобирманский язык имел три основных тона в слогах без шумной терминали и два тона в слогах с шумной терминалью. В слогах без шумной терминали пралолобирманскому тону \*1 соответствует бирманский тон 1 (ровный), тону \*2 – тон 2 (падающий), тону \*3 – тон 3 (глоттализированный). Кроме основных трех тонов, Берлинг реконструировал еще тон \*1b, отличающийся по своим рефлексам от тона \*1 только в языке аци, и тон \*2с, который отличается по своим рефлексам от тона \*2 только в языке мару. Реконструкция особых тонов \*1b и \*2с представляется сомнительной (см. с. 285-287). В более поздних работах других исследователей эти тоны были молчаливо отброшены. Тоны \*1 и \*2 у Бер-

лингга соответствуют нулевому и падающему тонам у Шейфера. Тон \*3, существование которого Шейфер отвергал, представлен в очень малом числе примеров.

П. Бенедикт указал, что тон \*3, реконструированный Берлингом, имеет в конечном итоге вторичное происхождение, хотя, возможно, и на более глубоком уровне, чем пралоло-бирманский [12]. Он же установил соответствие между пралолобирманским тоном \*1 и среднекитайским ровным тоном и, с другой стороны, между пралолобирманским тоном \*2 и среднекитайским восходящим тоном. На основании первого соответствия он реконструировал пракайтско-тибетский тон \*А, на основании второго – тон \*В, предположив, таким образом, существование в пракайтско-тибетском языке двухтоновой системы [13].

Дж. Матисофф подробно рассмотрел вопрос о тонах в слогах с шумными терминалями. Он подтвердил правильность реконструкции двух тонов в слогах этого типа и установил рефлексии этих двух тонов во всех языках лоло, по которым имеются материалы. Один из этих двух тонов Матисофф назвал высоким (далее он будет обозначаться как \*В), а другой – низким (далее будет обозначаться как \*Н), так как почти во всех современных языках лоло рефлексии тона \*В выше, чем рефлексии тона \*Н. Тон \*Н соответствует тону \*1 слогов с шумной терминалью в реконструкции Берлинга; тон \*В – тону \*2 слогов с шумной терминалью. В отличие от Берлинга, считавшего эти два тона пралолобирманскими, Матисофф высказал точку зрения, что это инновация, возникшая лишь в пралоло, тогда как старое состояние сохранилось в бирманском языке, не различающем тонов в слогах с шумными терминалями. Возникновение двухтонового противопоставления в пралоло Матисофф объясняет влиянием инициалей и начальнослоговых сочетаний согласных [30].

Все изложенное можно суммировать следующим образом. В пракайтско-тибетском языке в слогах без шумных терминалей (т.е. в открытых или кончающихся на сонант) существовали два тона: \*А и \*В. В среднекитайском их рефлексии являются, соответственно, ровный тон и восходящий тон, а в пралолобирманском – тон \*1 (дает в бирманском ровный тон) и тон \*2 (дает в бирманском падающий тон). Уже в собственно лоло-бирманский период появился тон \*3, представленный в очень малом числе примеров. В бирманском он дает глоттализированный тон. В слогах с шумными терминалями реконструируется два тона: \*В (высокий) и \*Н (низкий). Они, вероятно, возникли под влиянием начальнослоговых согласных в пралоло. Возможно, что они возникли уже в пралолобирманском, но затем совпали в прамарубирманском. Бирманский язык не имеет тоновых противопоставлений в слогах с шумными терминалями.

Гипотеза, предлагаемая в данной статье, связана не с провер-

жением ранее установленных тоновых соответствий между лоло-бирманскими языками, а с переинтерпретацией, при которой реконструированные тоновые противопоставления заменяются сегментными противопоставлениями.

А. Одрикур впервые наглядно продемонстрировал возможность возникновения тонов в результате отпадения конечнослоговых согласных, доказывая принадлежность вьетнамского языка к австроазиатской семье [20]. Впоследствии Э. Пулльблэнк предположил аналогичное развитие для китайского языка [34]. По его мнению, среднекитайский восходящий тон возник в слогах, имевших в древнекитайском конечнослоговую гортанную смычку (\*-ʔ); падающий тон возник в результате отпадения конечнослогового \*-s (через ступень \*-h); наконец, ровный тон возник в слогах, не имевших ни \*-ʔ, ни \*-s.

Определенное сходство между среднекитайской и бирманской тоновыми системами послужило первоначальным толчком к работе над гипотезой, согласно которой бирманские слоги с падающим тоном имели в прошлом конечнослоговое \*-h или \*-s; слоги с глоттализированным тоном имели \*-ʔ; слоги с ровным тоном не имели ни \*-h, ни \*-ʔ. Ниже дается полное обоснование этой гипотезы.

## ТОНЫ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В соответствии с традиционным и наиболее обычным представлением в современном бирманском языке имеется три тона. Системы тонов стандартного языка и диалектов, судя по имеющимся описаниям, практически тождественны. Существует по крайней мере три способа нумерации бирманских тонов. Для генетических сравнений наиболее удобна нумерация, используемая в данной статье, при которой номера бирманских тонов совпадают с номерами реконструированных пралолобирманских тонов (тон 1 < \*1, тон 2 < \*2, тон 3 < \*3).

Фонетические характеристики тонов в изолированном слоге таковы. Тон 1 (как в слове *c1* 'я') – ровный, средней высоты. Его можно охарактеризовать как наименее маркированный, наиболее нейтральный. Тон 2 (как в слове *c2*: 'пять') – высокий, к концу понижающийся до уровня ниже среднего, очень интенсивный. В 1925 г. Л. Армстронг и Пхе Маун Тин констатировали, что слоги с тоном 2 имеют придыхательную фонацию (*breathy voice*) [11]. Наши наблюдения этого не подтверждают: тон 2 связан скорее с напряженной фонацией (*tense voice*), чем с противоположной ей придыхательной. Однако высокая фонетическая квалификация авторов делает ошибку маловероятной, следовательно, к числу характеристик тона 2 относится или относилась в недавнем прошлом придыхательная фонация.

Тон 3 (как в слове ၃ 'ночь') – краткий, падающий, сопровождается глоттализованной фонацией (creaky voice) и конечнослоговой гортанной смычкой, которая в потоке речи может исчезать. Иногда выделяется еще тон 4, фонетически очень близкий к тону 3 и отличающийся от него большей краткостью и интенсивностью, более сильной и не исчезающей в потоке речи гортанной смычкой. В слогах с тоном 4 имеют место определенные изменения гласных, которые в целом можно охарактеризовать как сдвиг к центру. Точно такие же изменения гласных наблюдаются в слогах с конечным -၂, единственном общепризнанном типе закрытых слогов в современном бирманском языке. Этот параллелизм наряду с устойчивостью гортанной смычки может служить аргументом в пользу того, что слоги с тоном 4 – также закрытые, имеющие терминаль -၂. В таком случае можно считать, что противопоставление по тону в слогах с терминалью -၂ нейтрализовано или же что в них представлен позиционный вариант тона 3 – как это и делает часть исследователей.

Число тонов может быть сведено к двум, если допустить, что слоги с тоном 3 закрытые, как и слоги с тоном 4. В таком случае две бирманские тонемы реализуются как тоны 1 и 2 в слогах без -၂ и как тоны 3 и 4 в слогах с -၂ [39]. Такое описание формально допустимо, хотя и вызывает ряд возражений: особое влияние тона 4 на гласные, неустойчивость -၂ в слогах с тоном 3 и др.

Исторически тон 4 (т.е. терминаль -၂) возник лишь в конце XIX или начале XX в. Первоначально существовало четыре шумных терминали, до сих пор сохраняющихся в бирманской орфографии: -p, -t, -c, -k. Затем произошли изменения -p > -t и, вероятно, -c > -t (или -c > -k). Позже имело место интересное с типологической точки зрения перераспределение -t и -k: *eit > eik, out > ouk, aik > aik, auk > auk, ek > et, it (ik ?) > it, at > at, ut > ut*. Терминали -t и -k оказались в дополнительном распределении: -k – после дифтонгов, -t – после монофтонгов. Такая система отражена во всех грамматиках прошлого века [24], а ход исторического развития, приведший к ее возникновению, довольно определенно восстанавливается на основе главным образом системных соображений. Наконец, -t и -k совпали в -၂; другими словами, исчезли, приведя к возникновению тона 4.

Иногда выделяется еще тон 5, который встречается только в слогах с финалью -၂, возникшей в результате редукции других финалей в разные периоды истории. Однозначная связь между финалью -၂ и тоном 5 позволяет считать, что в слогах с -၂ тоновые противопоставления просто нейтрализованы или же что тон 5 является позиционно обусловленным вариантом тона 1, от которого он отличается

в основном лишь меньшей длительностью и интенсивностью. В ряде слов редуцированная финаль -၂ существовала уже в древнебирманском языке, а в отдельных случаях реконструируется и в пралолобирманском, хотя чаще она имеет гораздо более позднее происхождение.

Вопрос о тоновой системе древнебирманского языка специально не рассматривался. Он мало интересовал компаративистов, так как современные тоны 1, 2 и 3 просто и однозначно соответствуют лолобирманским тонам \*1, \*2 и \*3, что должно подразумевать существование тех же самых трех тонов на всем протяжении истории. Информацию о древнебирманских тонах можно получить путем анализа современной (основанной на традиции) и древней орфографии, фонетических характеристик современных тонов, монской письменности, послужившей прототипом для бирманской и отчасти шанской письменности, созданной на основе бирманской.

Ниже приводится таблица, демонстрирующая способы графической записи бирманских тонов. При этом используется обычная система транслитерации с некоторыми особенностями. Каждой графеме соответствует ровно одна заглавная латинская буква – сама по себе или в сочетании со строчной буквой. Графема «вирама» транслитерируется как /.

Все финали разбиваются на три класса по способу обозначения тонов; 1-й и 2-й классы выписаны полностью; все финали, не включенные в таблицу, относятся к 3-му классу.

Таблица

Графическое обозначение бирманских тонов

Класс	Древнебирманская финаль	Ее современный рефлекс	Современная графическая запись		
			В тоне 1	В тоне 2	В тоне 3
1	a	a	Ā (အာ)	ĀH (အာ့)	A (အ)
	i	i	Ī (အိ)	ĪH (အိ့)	I (အိ)
	u	u	Ū (အူ)	ŪH (အူ့)	U (အူ)
2	ay	e	AY/ (အေဝ်)	Ai (အဲ)	AiQ* (အဲ့)
	au	o	Au (အေဝ်)	O (အော့)	OQ* (အော့့)
3	iy	ei	E (အဲအ)	EH (အဲအ့)	EQ* (အဲအ့)
	əu	ou	Ui (အဲအ)	UiH (အဲအ့)	UiQ* (အဲအ့)
	an	aŋ	AN/ (အာန်)	ANH/ (အာန့်)	ANQ* (အာန့်)

Как видно из таблицы, тон 3 обозначается при финалях 2-го и 3-го классов с помощью графемы  $Q'$  (точка под основной графемой, «аукамь»). Она возникла как сокращенное написание графемы  $Q$  (3э) и именно поэтому транслитерируется в данной статье как  $Q'$ . В свою очередь, 3э транслитерируется через  $Q$  из-за отсутствия заглавного варианта знака  $?$ . В древнебирманских текстах  $Q$  употреблялось как в современной функции – подставка для гласной графемы, а точнее, фактически, знак для записи начальнослогового  $?$ - (например:  $QUi$  3э ‘быть старым’ произносится фактически не  $ou\bar{I}$ , а  $?ou\bar{I}$ , так как перед начальнослоговым гласным обычно звучит «твердый приступ»), – так и в функции современного  $Q'$ . В функции  $Q'$  графема  $Q$  могла писаться под строкой, как современная  $Q'$ , или в строке со знаком вирама (3э) – так же, как графемы, обозначающие терминалы. В конце слога, как и в начале, графема  $Q$  (и, особенно,  $Q/$ ) явно обозначает звук  $?$ . В монской письменности, послужившей прототипом для бирманской, графема  $Q$  совершенно аналогичным образом использовалась для записи конечнослогового  $-?$  [38], а в некоторых случаях продолжает использоваться так до сих пор [19, X].

Учитывая современные фонетические характеристики тона 3, обозначение его в древнебирманских текстах с помощью  $Q$  (т.е.  $-?$ ) совершенно естественно и указывает на то, что соответствующие слоги имели в древнебирманском языке конечный звук  $?$ . Поскольку  $Q$  пишется в древнебирманских текстах очень регулярно – в отличие, например, от нерегулярного обозначения тона 2 – можно сделать вывод, что звук  $-?$  был устойчивым и ярко выраженным. Это означает, что процесс исторического развития состоял в постепенном ослаблении конечного звука  $-?$ , т.е. первичным было именно  $-?$ , а не тоновый контур или глоттализованная фонация.

Сложнее, на первый взгляд, обстоит дело с обозначением тона 3 при финалях 1-го класса (см. таблицу) –  $a, i, u$ , единственными тремя финалями, оканчивающимися в древнебирманском на гласный без конечнослогового согласного или глайда. В бирманском алфавите пади (т.е. в системе записи палийских текстов средствами бирманской письменности) и в монской письменности  $A, I, U$  обозначают краткие гласные  $a, i, u$ , а  $\bar{A}, \bar{I}, \bar{U}$  обозначают долгие  $\bar{a}, \bar{i}, \bar{u}$ . Тем самым, бирманские финалы 1-го класса обозначаются в тоне 3 как краткие, а в тонах 1 и 2 – как долгие. Это дало основание Р. Шейферу предположить для древнебирманского языка существование противопоставления по долготе–краткости:  $a-\bar{a}, i-\bar{i}, u-\bar{u}$  [36]. Он даже реконструировал две разные китайско-тибетские финалы –  $*a$  и

$*a$ , первая из которых дает в древнебирманском  $a$ , а вторая  $-\bar{a}$  [35].

По-нашему мнению,  $A, I, U$  в действительности обозначали в древнебирманском  $a?, i?, u?$ , а  $\bar{A}, \bar{I}, \bar{U}$  обозначали  $\bar{a}, \bar{i}, \bar{u}$ . Такое, казалось бы, странное употребление графем объясняется особенностями древнемонского языка, в котором краткие гласные не могли встречаться в открытом слоге, а только перед гортанной смычкой или другим конечнослоговым согласным, тогда как долгие гласные, напротив, встречались в открытом слоге и никогда не сочетались с конечной гортанной смычкой. Таким образом, в древнемонском существовали финалы типов  $\check{V}C, \check{V}C, \check{V}?, \check{V}\#$  и не существовали  $V\#$  и  $\check{V}?$ . Краткость гласного автоматически была связана с гортанной смычкой (если нет другого согласного в конце слога), а долгота гласного – с ее отсутствием. Поэтому  $A, I, U$  фактически обозначали в древнемонском не  $a, i, u$ , а  $a?, i?, u?$  [38]. Именно в этой функции стали использовать графемы  $\bar{A}, \bar{I}, \bar{U}$  бирманцы. Единственный же способ записать  $a, i, u$  без последующей гортанной смычки – обозначить их через  $\bar{A}, \bar{I}, \bar{U}$ . Поэтому именно так и обозначались финалы  $a, i, u$  в тонах 1 и 2.

В древнебирманских текстах эта система обозначений использовалась менее регулярно, чем в настоящее время, – для древнебирманской орфографии вообще характерна слабая нормированность. Финалы в тонах 1 и 2 могли записываться через  $A, I, U$  вместо  $\bar{A}, \bar{I}, \bar{U}$ , что вполне объяснимо. Знаки  $A, I, U$  – графически проще, чем  $\bar{A}, \bar{I}, \bar{U}$ , и при этом не содержат какого-либо графического элемента, непосредственно обозначающего  $-?$ . Возможно, дело еще и в том, что не было средства передать одновременно краткость и отсутствие  $-?$ , поэтому приходилось выбирать или знаки для долгих без  $-?$  ( $\bar{A}, \bar{I}, \bar{U}$ ), или знаки для кратких с  $-?$  ( $A, I, U$ ). Важно отметить, что нерегулярностей противоположного типа, т.е. написания финалей  $a, i, u$  в тоне 3 с помощью  $\bar{A}, \bar{I}, \bar{U}$  обнаружено не было. В древнебирманских текстах тон 3 (т.е.  $-?$ ) при финалях  $a, i, u$  иногда обозначался точно так же, как и при всех прочих финалях – с помощью  $Q$  (например,  $SIQ'$  вместо  $SI$  ‘знать’), что дополнительно подтверждает наличие  $-?$  и в этих слогах.

Анализ шанской письменности не добавляет ничего нового. В шанском языке графемы  $A, I, U$  обозначают финалы  $a, i, u$  в тоне 5, который характеризуется как глоттализированный [18]. Конечнослогового  $-?$  в шанском языке нет.

Отметим, что графическая финаль  $A$  в древнебирманских текстах могла обозначать не только  $-a?$ , но в некоторых случаях также

редуцированную финаль -ə. В большинстве случаев финаль -ə явно возникла в результате редукции других финалей, причем традиционная орфография показывает, каких именно. Поэтому можно было бы думать, что -ə просто восходит к -aʔ в тех случаях, где она записывается как A. Однако в древнебирманских текстах обнаруживаются иногда варианты написания типа  $\text{SAM}^{\text{H}}$  и  $\text{SMIH}$  / 'дочь' (совр.  $\text{SAM}^{\text{H}}$ ). Начальнослоговое сочетание *sm-* в бирманском языке невозможно, так что оба варианта написания, по всей вероятности, передают форму *sami(h)*. Специальная графема для записи -ə отсутствовала, поэтому в соответствующих словах писалась графема A или сочетание согласных без гласной между ними (последнее реже).

Итак, слоги, имеющие в настоящее время тон 3, характеризовались в древнебирманском прежде всего наличием конечной гортанной смычки, причем более устойчивой, чем в современном языке. Скорее всего эти слоги не отличались существенно по долготе от слогов, имеющих сейчас тоны 1 и 2 (ср. выше – варианты написания  $A\bar{A}$ ,  $I\bar{I}$ ,  $U\bar{U}$ ). Нет никаких конкретных свидетельств в пользу наличия или отсутствия у этих слогов специфического интонационного контура или регистра и глоттализованной фонации.

Фонологически гортанную смычку можно, видимо, рассматривать как древнебирманский конечнослоговой согласный. С другой стороны, вероятно, можно привести аргументы и в пользу противоположной точки зрения, согласно которой гортанная смычка была частью просодической характеристики слога и фонологически согласным не являлась. Важно подчеркнуть, что ни та, ни другая фонологическая интерпретация ничего не убавит и не прибавит к единственно важному для более глубокой реконструкции факту, что в данном типе слогов присутствовала устойчивая и явно выраженная конечнослоговая гортанная смычка.

Вопрос о ее происхождении далеко не самоочевиден. В ряде языков (в частности, в некоторых тайских) известны случаи, когда гортанная смычка возникает «из ничего», т.е. просто в конце слогов с определенным тоном (обычно – с тоном, завершающимся на очень высоком или очень низком уровне). За пределами данного ареала можно упомянуть о возникновении латышской прерывистой интонации ударного слога и датского «толчка».

Однако в бирманском языке конечная гортанная смычка существует на протяжении длительного периода и обнаруживает тенденцию не к все большей стабилизации, а к ослаблению и передаче своих смыслоразличительных функций чисто просодическим признакам. Поэтому возникновение конечной смычки в обозримом прошлом из

просодических элементов маловероятно. Кроме того, древность как будет показано дальше, косвенно подтверждается и данными других лоло-бирманских языков (лису, сани). На основании всего сказанного слоги, имеющие в современном языке тон 3, будут записываться в дальнейшем с -ʔ: *kaʔ*, *kanʔ*, *kayʔ* вместо  $ka^3$ ,  $kan^3$ ,  $kay^3$ .

Тон 2, как видно из таблицы графического обозначения бирманских тонов (см. с.263), обозначается с помощью  $\text{H}$  (: ) при финалях первого и третьего классов. В первом классе при этом пишутся долгие  $\bar{A}$ ,  $\bar{I}$ ,  $\bar{U}$ , так как гласные в тоне 2 не сопровождаются гортанной смычкой (см. с. 265 ). Тон 2 не обозначается с помощью  $\text{H}$  только при финалях второго класса, но это имеет свое объяснение. Судя по бирманской орфографии, можно предполагать, что древнебирманские *au* и *au* (давшие соответственно современные *e* и *o*) первоначально изменились в *e* и *o* только в тонах 3 (т.е. перед -ʔ) и 2 и сохранились неизменными еще в течение определенного времени в тоне 1. Современная орфография, вероятно, отражает фонетику этого периода, передавая *e* и *o* в тоне 1 через  $AU$  /  $Au$  (читались как *au* и *au*), а в тонах 2 и 3 – через  $Ai$  и  $O$  (читались как *e* (?) и *o*). Вследствие этого знак  $\text{H}$  оказался избыточным для обозначения тона 2, так как различие между тонами 1 и 2 фактически уже выражено другим способом, и поэтому мог опускаться. В более старых текстах сохраняется написание  $Ai\text{H}$  вместо  $Ai$  [24].

Графема  $\text{H}$ , которая в индийских письменностях называется висаргой, во всех системах письма индийского происхождения обозначает или обозначала в прошлом согласный *h* в конце слова. Особенно важно, что это же чтение висарга имеет и в монской письменности, послужившей прототипом для бирманской [19; 32]. До сих пор не существует убедительного объяснения, каким образом висарга стала обозначать в бирманской письменности тон 2.

П. Бенедикт объясняет это влиянием письменности пью, тибето-бирманского народа, жившего на территории современного расселения бирманцев до их прихода, в которой, по его мнению, висарга использовалась для обозначения тона [13]. Но, во-первых, нет никаких конкретных доказательств, что висарга действительно обозначала тон в пью, и а priori естественнее думать, что она читалась там так же, как и во всех других родственных системах письма. Во-вторых, если верно, что моны заимствовали письменность у пью [22], то висарга должна была читаться в пью как *h*, раз она читается как *h* в монском. Предположение Бенедикта о тоновом чтении висарги в пью основано лишь на том, что он установил соответствия (очень предварительные)

китайско-тибетского тона \*А отсутствию висарги в пью и тона \*В наличию висарги в пью. Однако ввиду вероятной переинтерпретации тонов \*А и \*В в терминах неинтонационных противопоставлений (см. ниже) отпадает и этот единственный аргумент.

Обычно считается, что тон 2 никак не обозначался в древнебирманских текстах. В наиболее известном из них, надписи Мьязеди (1113 г.), которая является самым ранним точно датированным памятником бирманского языка, в трех словах встречается конечнослоговое *H/* (𑄑), (тогда как в современной письменности графема *H* возможна только в начале слога). Два из них вместо *H/* имеют в современном написании графему *Ḥ*, обозначающую тон 2, но третье пишется и читается сейчас с тоном 1 – др.–бирм. *RWŃ* (𑄑𑄑𑄑), совр. *RWĀ* (𑄑𑄑) ‘деревня’. Такая нерегулярность дала основание Э. Пулльбленку утверждать, что наличие *H/* в древнебирманских словах никак не связано с наличием *Ḥ* в их современном написании [33]. Но даже среди того небольшого процента древнебирманских текстов, которые оказались нам доступными, имеется ряд таких, в которых *H/* пишется на месте современной графемы *Ḥ* с большой степенью регулярности [10].

По нашим наблюдениям, *H/* пишется только в открытых слогах: *SMIH/* ‘дочь’ (совр. *SAMĪḤ*), *SAH/* ‘сын’ (совр. *SĀḤ*), *KRIH/* ‘большой’ (совр. *KRĪḤ*) и др. [10]. Это не может объясняться чисто орфографическими причинами: графема *Q*, обозначающая *-ʔ*, пишется в слогах любых типов, и точно так же в любых слогах могла бы писаться графема *H*. Гораздо вероятнее, что она обозначала некоторый фонетический элемент, который присутствовал только в открытых слогах, имеющих в современном языке тон 2.

Трудно представить, что может обозначать *H/*, кроме конечнослогового *h*, тем более что в родственных системах письма, с которыми могли быть знакомы бирманцы, никаких альтернативных объяснений найти не удастся. Обозначение тона 2 с помощью *H/* и *Ḥ* хорошо согласуется с фактом, что слоги с тоном 2 имеют придыхательную фонацию (см. с. 259). Однако то, что *H/* писалось только в открытых слогах и не писалось в закрытых, хотя придыхательная фонация присутствует и в тех, и в других, имеет, по-видимому, единственное объяснение: в открытых слогах «придыхательность» была особенно сильной и реализовалась в виде конечного *-h*. Типологически такая ситуация вполне естественна.

О фонологическом статусе этого *-h* трудно судить с полной определенностью, но скорее его можно считать частью просодической характеристики слога (как *-ʔ* в современных слогах с тоном 3). В лю-

бом случае фонологическая интерпретация древнебирманского конечнослогового *-h* ничего не меняет с точки зрения вопроса о его происхождении. Возникновение конечного *-h* из просодических элементов представляется маловероятным. История бирманской фонетики показывает, что придыхательный элемент в слогах с тоном 2 обнаруживает явную тенденцию к исчезновению и передаче смысловозначительной функции чисто тональным признакам. Поэтому исходным следует считать именно *-h*, которое к древнебирманскому периоду сохранилось только после гласных (в слогах типа *kah*) и исчезло, дав придыхательную фонацию, после сонорных согласных (в слогах типа *kan<sup>h</sup>*). Все современные характеристики тона 2 легко объясняются влиянием конечнослогового *-h*. В частности, типологически странное сочетание высокой интенсивности с придыхательной фонацией, которая обычно сочетается наоборот с низкой интенсивностью и низким тоном, могло возникнуть именно под влиянием *-h*. Очень вероятно, что именно этой несовместимостью с высокой интенсивностью вызвано исчезновение придыхательной фонации.

В дальнейшем изложении слоги, имеющие в современном языке тон 2, будут записываться, несколько условно, с конечным *-h*: *kah*, *kay<sup>h</sup>*, *kan<sup>h</sup>* вместо *ka<sup>2</sup>*, *kay<sup>2</sup>*, *kan<sup>2</sup>*.

Шаны заимствовали письменность у бирманцев заведомо позже древнебирманского периода. В шанской письменности *H/* не используется, а с помощью *Ḥ* обозначаются тоны 4 (высокий, ровный) и 6 (плавно нисходящий) – в противоположность тонам 1 (средний, ровный), 2 (низкий, ровный) и 3 (повышающийся от низкого к среднему), которые обозначаются отсутствием *Ḥ* [18]. Это говорит лишь о том, что в период заимствования шанами письменности бирманский тон 2 по своим контурно-регистровым характеристикам не отличался сколько-нибудь существенно от современного: был высоким с понижением в конце.

Определенный интерес представляет тот факт, что в бирманском языке, судя по современной орфографии, тоны оказывали влияние на развитие финалей. Как уже упоминалось, древнебирманские финали *-au* и *-au*, по-видимому, раньше стянулись в *-e* и *-o* в тонах 2 и 3, чем в тоне 1. Если допустить, что в тоне 2 после *-au* и *-au* был слабый элемент *-h*, то окажется, что дифтонги раньше стянулись перед конечнослоговыми *-h* и *-ʔ*, сохранившись неизменными в конце слога: с типологической точки зрения это – совершенно обычное явление. Другой пример – более раннее ослабление конечного *-m* в финали *-am* в тонах 1 - 3 при более позднем ослаблении его в тоне 2. Само по себе это предположение, основанное лишь на современной орфогра-



фии, нуждается в дополнительной проверке. Если оно верно, то окажется, что глухой, или аспирированный конечнослоговой *-m<sup>h</sup>* сохранился дольше обычного *-m*. Такое объяснение кажется более понятным и правдоподобным, чем объяснение в терминах тонов.

Главной проблемой остается нерегулярность написания *H/* в древнебирманских текстах. Случаи, когда определенный фонетический элемент не отражается на письме, несмотря на наличие орфографических средств, не редкость; конкретно с *-h* это имеет место в старых текстах на некоторых языках Индонезии. Отметим, что в кхмерском языке, например, конечный *-h* не осознается носителями языка как обычный полноценный согласный. Можно сослаться также и на общую неупорядоченность древнебирманской орфографии, а также на неоднородность текстов в фонетико-орфографическом отношении, что может быть связано с существованием разных школ письма и, возможно, разных говоров. Бирманский конечный согласный *-h* мог отличаться от монского другой артикуляцией или быть более слабым. Возможно, что *-h* отчетливо звучал лишь в изолированном слове, исчезая иногда в потоке речи – как *-ʔ* в современных слогах с тоном 3. Но безусловно то, что в ряде текстов наблюдается высокая регулярность в написании *H/*, причем только после гласных. Этот факт трудно объяснить чем-либо иным, кроме наличия после гласных звука *-h*.

### БИРМАНСКИЕ ТОНЫ КАК РЕФЛЕКСЫ СУФФИКСОВ

Типологическая вероятность возникновения тонов под влиянием конечнослоговых *-ʔ* и *-h* не вызывает сомнений. Подобный процесс имел место в истории вьетнамского, китайского, тибетского языков, языка панджаби, вероятно, куки-чинских, тайских языков и др. Однако конечнослоговой *-h* нельзя признать обычным и устойчивым звуком для китайско-тибетских языков. Типологически наиболее обычно происхождение *-h* из более раннего *-s*, как это было, например, в китайском языке. Для пракаитайскотибетского языка реконструируется конечнослоговой согласный *\*-s*, который, как считается, бесследно исчез в бирманском [12]. Возникает естественный вопрос о соотношении бирманского *-h* и китайско-тибетского *\*-s*.

Согласно П. Бенедикту, этот *\*s* исторически всегда является суффиксом, за исключением двух случаев: «кость» (тиб. *pus*) и «два» (тиб. *gnis*). Первому соответствует бирманское *puh* «кость» (совр. *əuou<sup>2</sup>*) – с конечным элементом *-h*, который вполне может быть рефлексом *\*s*. Бирманское *hnac* «два» (совр. *hniʔ*) восходит к лоло-бирманскому *\*s-ni-t*, где *\*t* – суффикс. Поскольку в бирманском языке в слогах с шумными терминалями противопоставление по тону от-

сутствует, т.е. *-h* и *-ʔ* для таких слогов не реконструируется, данный пример не показателен. Однако в лоло-бирманском реконструируется также бессуффиксальный вариант этого слова *\*ni<sup>2</sup>* «два», который не засвидетельствован в бирманском, но закономерно должен был бы соответствовать бирманской форме *\*nih* – тоже с конечным *-h*.

В остальных случаях *\*s* – суффикс, причем китайский и тибетский языки чаще всего имеют его в разных словах [12], поэтому трудно ожидать прямого соответствия между бирманским *-h* и китайским или тибетским *-s*. В древнекитайском языке суффикс *\*s* (1) имеет каузативное значение; (2) образует от названия предмета название действия, которому этот предмет подвергается, или от названия действия – название предмета или качества, возникающего в результате действия; (3) в очень многих случаях не имеет определенного устойчивого значения [9].

Оказывается, что в бирманском языке *-h* во многих словах тоже имеет суффиксальный характер, причем обнаруживаются те же значения, что и у древнекитайского *\*s*.

(1). Каузативы: *kham* «получать» – *kamh* «давать»; *khw aŋ* «быть изогнутым» – *kw aŋh* «сгибать в кольцо»; *khwe* «изгибаться» – *kweh* «сгибать»; *khyo* «поскользнуться» – *khyoh* «быть скользким» (т.е. «каузировать скольжение»); *ŋrim* «быть спокойным» – *ŋrimh* «успокаивать»; *caŋ* «быть очищенным» – *caŋh* «веять (зерно)»; *cuiŋ* «быть сцепленным, связанным» – *chuiŋh* «связывать друг с другом»; *chway* «быть связанным с чем-л.» – *swayh* «прикреплять»; *tway* «прицепляться» – *twayh* «связывать»; *nam* «пахнуть» – *namh* «нюхать» (т.е. «вдыхать носом воздух, каузируя предмет пахнуть»); *pu* «быть выпяченным» – *puh* «вспухать» (т.е. «каузировать себя, быть выпуклым»); *puo* «таять, плавиться» – *phroh* «обваривать кипятком, слегка варить» (?); *hman* «попасть в цель» – *hmanh* «целиться»; *lwanʔ* «извиваться» – *lwanh* «вить веревку»; *hlwamʔ* «распространяться» – *hlwamh* «покрывать, затоплять»; *waŋ* «входить» – *swaŋh* «вводить».

В последнем слове *s-* – каузативный префикс, сохранившийся в таком же виде еще в слове *sip* «укладывать, укладывать спать, класть в надежное место» (ср. *ip* «спать, лежать»). Этот каузативный префикс реконструируется как *\*s-* для пралолобирманского и пракаитайскотибетского. В бирманском он сохранился перед гласными (не исключено, что *swaŋ* восходит к *\*suoŋ* или *\*soŋ*), а в прочих случаях исчез, аспирировав начальнослоговой согласный: *\*s-kok* > *khok*, *\*s-nap* > *hnap* и т.п. Судьба этого начальнослогового *\*s-* сама по себе

заслуживает внимания, поскольку точно совпадает с предполагаемой судьбой конечнослогового \*s, подтверждая правдоподобность рассматриваемой гипотезы.

В парах типа *cuĩḡ-chuiḡh*, где каузативная форма приобретает помимо конечного *-h* еще и придыхательность инициали, можно предполагать дублированное выражение каузативности префиксом и суффиксом: \**s-cuĩḡ-s* > *chuiḡh*. Это относится и к паре *wam-swaḡh*. Частые случаи, когда добавление конечного *-h* приводит к дезаспирации инициали (*kh̄am-kamh* и т.п.), можно объяснить нерегулярной диссимиляцией. Отметим, что эта диссимиляция, постоянно наблюдающаяся и в последующих примерах, не связанных с каузативами, представляется более закономерной, если слоги с тоном 2 действительно имели конечный элемент *-h*, отделенный от придыхательной инициали финалью, чем в случае, если они всего лишь характеризовались наличием придыхательной фонации, и аспирация инициали тогда могла плавно, без перерыва переходить в эту придыхательную фонацию.

Часть примеров на каузативное значение *-h* может быть подвергнута сомнению, но это не меняет общего вывода, что *-h* участвует в образовании каузативов. Приведенные пары совсем не обязательно должны были все возникнуть до перехода \**s* > *-h*; они могли образовываться и позже, возможно, и в собственно бирманский период, но должна была существовать старая модель.

(2). Образование существительных от глаголов и наоборот: *khwe* 'свертываться' – *khweh* 'кольцо'; *khya* 'вращаться' – *khyaḡh* 'что-л.'; вращающееся, прялка'; *chañ* 'перегораживать' – *cañh* 'забор, граница'; *na* 'слушать' – *nah* 'ухо'; *kyaq?* 'делать' – *khraqh* 'дело' (?); *sa* 'пища' – *cah* 'есть'; *khuiḡ* 'ветка с плодами' – *kuĩḡh* 'свешиваться'; *noḡ* 'будущее' – *hnoḡh* 'быть позднее, после'; *phum* 'разновидность крыши' – *phumh* 'покрывать'; *mroḡ* 'узкая и длинная долина' – *mroḡh* 'быть узким'; *lwan* 'ритуальная веревка' – *lwanh* 'вить веревку'.

(3). Примеры, в которых *-h* явно имеет суффиксальный характер, но ему трудно приписать конкретное значение: *khay* 'быть незанятым' – *kaḡh* 'быть свободным от чего-л.'; *khoy* 'вершина' – *khoyh* 'голова'; *khra* 'быть центром' – *khrah* 'быть между'; *kyaq* 'промывать золото, серебро' – *kyaqh* 'полоскать'; *khram* 'загородка, клетка' – *krath* 'рыбный садок'; *kyau* 'быть широким' – *kyauh* 'быть рассредоточенным'; *kyo* 'превосходить' – *kroh* 'брать верх над кем-л.'; *khui* 'поднимать' – *khuih* 'повышать'; *kyañ* 'закрытая с одной стороны бамбуковая трубка' – *kyañh* 'палка'; *krañ* 'быть ясным' – *krañh* id.; *khyañ*

'связывать' – *khyañh* 'соединять'; *khuiḡ* 'взвешивать' – *khuiḡh* 'считать'; *kyu* 'издавать звук' – *kyuh* id.; *khru* 'вид русалки' – *khruh* id.; *khyoḡ* 'долина' – *khyoḡh* 'поток, река'; *khyan* 'быть острым' – *khyanh* 'быть остроконечным'; *khuyum* 'быть полным, включать, покрывать' – *khuyumh* 'собирать'; *ḡo* 'быть сильным (о голоде, запахе)' *ḡoh* 'выпячиваться (например, о челюсти)'; *choḡ* 'клинок' – *soḡh* 'острие, лезвие'; *swan* 'край, конец' – *swanh* 'край, выступ'; *hñā* 'сочувствовать' – *ñah* 'уважать'; *ñay* 'быть нежным' – *hñayh* 'быть приятным'; *ñui* 'быть темным, помрачнеть' – *hñuih* 'увядать ((о листьях), быть печальным)'; *hñwan* 'давать указания' – *hñwanh* 'разъяснять'; *tway* 'в' – *twayh* 'внутренность, ямка'; *thum* 'склонность' – *thumh* 'обыкновение'; *hnway* 'тянуть' – *hnwayh* 'тянуть время'; *pa* (показатель вежливости) – *pah* (счетное слово для почтаемых предметов); *phay* 'отодвинуть(ся) с дороги' – *phayh* 'уступать дорогу'; *pin* 'быть худым, скудным' – *pinh* 'быть удрученным, не иметь сил'; *phwa* 'разветвляться, лохматиться' – *phwah* 'быть лохматым, рассеивать'; *phoy* 'совокупность' – *poḡh* id.; *phra* 'быть разделенным' – *prah* id.; *pri* (показатель перфекта) – *prih* 'быть законченным'; *pre* 'быть ослабленным' – *phreh* 'быть умеренным'; *phru* 'дикообраз' – *phruh* 'дикообраз, еж'; *pru* 'высовываться' – *pruh* 'выдаваться'; *hmi* 'опереться' – *hmih* 'основываться'; *hmin* 'блекнуть, быть неясным, забытым' – *minh* 'быть в обмороке, быть слабым' – *hminh* 'быть с закрытыми глазами (от усталости, опиума)'; *hmwan* 'задыхаться (от пыли)' – *mwanh* 'захлебываться'; *mra* 'стойка' – *mrah* 'вид балки'; *hmru* 'доставлять наслаждение' – *mruh* 'испытывать наслаждение'; *ray* 'смеяться' – *rayh* 'быть удовлетворенным'; *rum* 'только (не более)' – *hrumh* 'проиграть или остаться при своих'; *la* 'приходить' – *lah* 'идти'; *hlay* 'переливать' – *layh* id.; *lu* 'махать, развеиваться' – *luh* 'качаться из стороны в сторону'; *lwan* 'превосходить' – *lwanh* (показатель чрезмерности); *hlyam* 'переливаться через край' – *hlyamh* 'быть полным'; *sui* 'penis (у животного)' – *suih* 'половая зрелость, быть некастрированным'; *soḡ* 'быть карликовым, низкорослым' – *soḡh* 'быть бесплодным, непродуктивным'; *swan* 'лить' – *swanh* 'лить'; *um* 'гроздь, рой, толпа' – *umh* 'тук, вык'; *hoḡ* 'быть старым' – *hoḡh* 'быть протухшим'.

Далеко не все приведенные выше примеры имеют прямое отношение к суффиксу \*/s/. В список мог попасть какой-то процент случайно похожих слов. В случае полной синонимии можно предполагать всего лишь поздние колебания в тонировании слова. Впрочем, одинаковый перевод двух слов далеко не всегда свидетельствует о полном совпа-

дении объема их значений, поскольку в качестве перевода может даваться некий инвариант всех реально существующих значений, т.е. предполагаемое исходное значение слова. В какой-то части примеров явно имело место не прибавление *-h*, а его исчезновение в результате нерегулярной диссимилиации с придыхательной инициальной. Это видно на примере пары *hmru* 'доставлять наслаждение' – *mruh* 'испытывать наслаждение', где *hmru*, по-видимому, восходит к форме с каузативным префиксом *-s-* и тем самым исходным в этой паре следует считать *mruh*.

Отметим также, что в бирманском языке существуют пары явно связанных друг с другом слов, которые практически невозможно объяснить с помощью суффиксов, например: *kyak* 'хорошо знать' – *kyau* 'быть знакомым'; *khat* 'ударять' – *kan* 'отталкивать, пинать' и мн. др. Это делает приведенный выше материал менее бесспорным, чем могло бы показаться на первый взгляд. Наконец, несомненно и то, что пары могли возникать после перехода *\*s > -h*, в том числе и в собственно бирманский период. Однако такое значительное количество однотипных пар должно все же объясняться существованием старой модели, по которой строились новые пары, и нет никаких оснований отвергать предположение, что возникновение этой модели связано с суффиксом *\*s*.

Все бирманские числительные от одного до девяти, в которых противопоставление по тону не нейтрализовано (т.е. без шумной терминали и *-ə*), имеют тон 2: *sumh* 'три', *leh* 'четыре', *ṅah* 'пять', *kuih* 'девять'. В пралобирманском реконструируются, кроме того, *\*ti<sup>2</sup>* 'один', *\*ni<sup>2</sup>* 'два', *\*si<sup>2</sup>* 'семь' – также все с тоном 2. Случайность здесь маловероятна; скорее всего числительные от одного до девяти имели суффикс *\*s*. Точная типологическая параллель имеется в каренских языках, где все числительные от одного до девяти (и только они!) имеют суффикс *\*t*, сохранившийся неизменным в языке пао (или таунту) и реконструируемый для пракаренского [12]. В качестве возможной генетической параллели следует упомянуть древнекитайский *\*s* в слове *\*sums* 'в-третьих', образованном от *\*sum* 'три'.

Обращает на себя внимание преобладание тона 2 в бирманских названиях животных: *khweh* 'собака', *kywayh* 'буйвол', *nwah* 'корова', *mraṅh* 'лошадь', *mrañh* 'осел', *lah* 'мул', *loh* 'вид мула', *suih* 'овца', *oṅh* 'як', *kyah* 'тигр', *tuih* 'мифическое животное', *puh* 'нутрия', *puweh* 'крот', *hruh* 'белка-летяга'.

Противоположные примеры: *c(h)we?* 'белка', *sway?* 'вид белки', *hrañ?* 'белка', *kram?* 'носорог', *khye* 'лающий олень', *krəṅ* 'кошка',

*chaṅ* 'слон', *cuiṅ* 'вид быка', *proṅ* 'вид быка', *yui* 'заяц', *wat* 'медведь', *gyi* 'олень'. Легко видеть, что все названия полезных домашних животных, кроме кошки, имеют *-h* (первые 9 примеров); три разных названия белки из четырех оканчиваются на *-?* (при том, что *-?* имеют всего четыре слова); большинство названий диких животных не имеет ни *-h* ни *-?*. Это указывает с известной степенью вероятности на существование суффикса *\*s* – оформителя названий домашних животных.

Итак, можно сделать вывод, что китайско-тибетский суффикс *\*s* не исчез в бирманском языке бесследно, как обычно считалось, а изменился в *-h*. Фактически этот суффикс является субморфом, а не морфемой. Такого рода аффиксы без определенного устойчивого значения чрезвычайно характерны для многих языков Юго-Восточной Азии.

Еще более очевиден суффиксальный характер конечнослогового *-?*. В бирманском языке *-?* встречается в два раза реже, чем *-h* или отсутствие *-?* и *-h*, т.е. соотношение числа слогоморфем с *-?*, с *-h* и без *-?* и *-h* (или, другими словами, с тоном 3, тоном 2 и тоном 1) – примерно 1 : 2 : 2. В пралобирманском тон *\*3* (т.е. *-?*) реконструируется лишь в единичных случаях. Это явная лоло-бирманская инновация. На его вторичность указывал в частности П. Бенедикт, приводя в подтверждение несколько пар слов: *ne<sup>1</sup>* 'солнце, жить' – *ne<sup>3</sup>* 'день' (исторически это явно один корень); *lu<sup>1</sup>* 'человек' – *lu<sup>3</sup>* 'человек (уничжительное)'; *khwe<sup>1</sup>* 'изгибаться' – *kwe<sup>2</sup>* 'сгибать' – *kwe<sup>3</sup>* 'быть извилистым' и др. [12].

Тем самым можно считать, что *-?* всегда имеет суффиксальный характер, причем закрепление его в конкретных словах имело место в большинстве случаев уже в период существования отдельных лоло-бирманских языков или во всяком случае после разделения лоло-бирманской группы на подгруппы. Как и в случае с *-h*, систематическое исследование позволяет обнаружить в бирманском языке значительное число примеров, подтверждающих суффиксальный характер *-?*.

В некоторых случаях *-?* имеет значение уменьшительности, уничижительности, слабой степени качества или действия: *lu* 'человек' – *lu?* 'человек (уничжительно)', *kway* 'ты' – *kway?* 'ты (неуважительно)'; *ñui* 'быть темным' – *ñui?* 'быть темноватым'; *khyañ* 'быть кислым' – *khyañ?* *khyañ?* 'кисловатый'; *khyui* 'быть сладким' – *khyui?* *khyui?* 'сладковатый'; *ṅan* 'быть соленым' – *ṅan?* *ṅan?* 'солонватый'; *khyuih* 'быть сломанным' – *khyui?* 'быть с дефектом'; *thuih* 'ударять, втыкать' – *tui?* 'прикоснуться'.

При образовании каузативов *-ʔ* может присоединяться к глаголам одновременно с каузативным префиксом *\*s-*, который отражается в бирманском в виде аспирации инициали: *kyay* 'быть широким' – *khyayʔ* 'расширять'; *caŋ* 'быть очищенным' – *chaŋʔ* 'просеивать' (муку); *ni* 'быть ровным' – *hiŋiʔ* 'делать ровным'; *mañ* 'называться' – *hmañʔ* 'называть'; *lañ* 'вращаться' – *hlañʔ* 'вращать'; *lum* 'быть теплым' – *hlumʔ* 'нагревать'. Есть также три примера на образование каузативов с помощью *-ʔ* без аспирации инициали: *tu* 'быть похожим' – *tuʔ* 'подражать'; *ha* 'быть открытым, пустым' – *haʔ* 'открывать(ся)' (в данном случае аспирация, разумеется, невозможна); *kay* 'быть в стороне, отклоняться в сторону' – *kayʔ* 'медленно передвигать, потихоньку унести'.

Иногда *-ʔ* образует служебные частицы от существительных и глаголов: *kroŋh* 'причина, дело' – *kroŋʔ* 'потому что'; *cwa* 'превосходить' – *cwaʔ* (аффикс интенсивности); *lui* 'быть похожим, быть как кто-л./что-л.' – *luiʔ* 'потому что'; *hu* 'говорить' – *huʔ* (показатель косвенной речи).

В большинстве случаев суффиксу *-ʔ* трудно приписать определенное значение: *um* 'покрывать' – *umʔ* 'быть покрытым облаками'; *oŋh* 'быть в покое' – *oŋʔ* 'сдерживаться'; *seh* 'быть маленьким' – *seʔ* 'не достигнуть нормальной кондиции (например, о чахлом деревце)'; *koh* 'быть выпуклым' – *koʔ* 'прогибаться'; *khwa* 'разделяться' – *khwaʔ* 'быть с развилкой'; *khwe* 'изгибаться' – *kwəʔ* 'быть извилистым'; *khrah* 'отделять(ся)' – *khraʔ* 'расколоться'; *khraŋh* 'дело' – *kyayʔ* 'делать'; *kyayh* 'раскладывать по порядку, ясно показывать' – *kyayʔ* 'обдумывать'; *kyan* 'оставаться' – *kranʔ* 'медлить'; *kyayh* 'быть редким, слабым' – *khyayʔ* 'быть слабым'; *khyoh* 'быть приятным' – *kyoʔ* 'быть изысканным' – *khyoʔ* 'утешать, льстить'; *krih* 'быть большим' – *kyiʔ* 'большое количество' – *khyiʔ* 'быть многочисленным'; *kyañ* 'неметь (о членах тела)' – *khyañʔ* 'быть утомленным'; *khyañ* (эмфатическая глагольная частица) – *khyañʔ* id.; *khrit* 'греметь (о громах и др.)' – *khritʔ* 'грохотать'; *kyuih* 'быть послушным' – *kriiʔ* 'кланяться'; *khyuih* 'разламывать, часть, доля' – *khyuiʔ* 'часть, доля'; *khyuiŋh* 'быть вогнутым' – *khyuiŋʔ* id.; *kyumh* 'траншея' – *kyumʔ* id.; *khyumh* 'сжимать' – *khyumʔ* id.; *ŋay* 'тащить' *ŋayʔ* id.; *ŋam* 'быть достаточным' – *ŋamʔ* id.; *ŋamh* 'страстно желать' – *ŋamʔ* 'ждать'; *ŋoh* 'выпячиваться' – *ŋoʔ* id.; *ŋrim* 'быть спокойным' – *ŋritʔ* id.; *ca* 'сравнивать' – *chaʔ* 'взвешивать'; *caŋ* 'подставка' – *chaŋʔ* 'класть одно на другое, подставка'; *chanh* 'быть необычным, странным' – *chanʔ* 'быть противоположным, не совпадать'; *choh*

'быть быстрым, внезапным' – *choʔ* 'быть резким (о ветре), непоседливым'; *cim* 'мочить в растворе' – *cimʔ* 'просачиваться'; *coŋ* 'выжидать' – *coŋʔ* id.; *tha* 'склонность' – *taʔ* 'стремиться'; *ta* 'мерить, срок, доля работы' – *thaʔ* 'план'; *thaŋh* 'быть ярко раскрашенным' – *taŋʔ* 'хорошо выглядеть'; *tañ* 'ставить, помещать' – *tañʔ* 'помещать'; *tu* 'молоток' – *thuʔ* 'колотить'; *thu* 'быть толстым' – *thuʔ* 'толщина, масса'; *nam* 'пахнуть' – *namʔ* 'запах'; *ne* 'солнце' – *neʔ* 'день'; *nim* 'задерживать рост' – *nimʔ* 'быть низким'; *nunh* 'быть истощенным' – *nunʔ* 'быть слабым'; *nway* 'вить(ся)' – *nwayʔ* 'легко гнуться'; *ray* 'растение' – *rayʔ* 'цветение'; *ray* 'откладывает в сторону, исключать' – *rayʔ* 'быть отломленным'; *phi* 'предок в четвертом поколении' – *phiʔ* id.; *phuh* 'вспухать' – *phuʔ* id.; *rwah* 'увеличиваться' – *rwahʔ* 'разбухать'; *phuiʔ* 'загрибок (место, на котором носят тяжести)' – *phuih* 'носить на спине'; *phui* 'самец' – *phuiʔ* 'вожак буйволов'; *ryo* 'быть мягким, плавиться' – *ryoʔ* 'быть мягким'; *mo* 'смотреть вперед-вверх' – *moʔ* 'поднимать лицо вверх'; *hmi* 'дотянуться, достать' – *miʔ* 'поймать'; *hmuh* 'быть главным, управлять' – *hmuʔ* 'относиться с уважением, как к важному'; *tu* 'делать' – *hmuʔ* 'дело'; *hmuah* 'быть крохотным' – *hmuahʔ* 'размельчать'; *mui* 'быть выпуклым в середине' – *muiʔ* id.; *moŋh* 'пугать животное' – *hmoŋʔ* 'беспокоить, тревожить'; *hmun* 'пыль' – *hmunʔ* 'быть пудрообразным'; *trah* 'стрела' – *traʔ* 'быть очень острым'; *ru* 'уважать' – *ruʔ* 'быть приниженным'; *rwam* 'чувствовать отвращение, побаиваться' – *rwamʔ* 'побаиваться'; *le* 'испаряться, улечивать' – *leʔ* 'отлетать (об отбросах при веянии)'; *lwamh* 'вить веревку' – *lwamʔ* 'извиваться'; *hlwamh* 'покрывать, затоплять' – *hlwamʔ* 'распространяться'; *lyah* 'быть тонким' – *lyaʔ* id.; *hlyuih* 'входить пригнувшись' – *hlyuiʔ* 'делать скрытно'.

Как и в случае с *-h*, некоторые примеры могут быть случайными совпадениями, а полная синонимия может объясняться поздними колебаниями в тонировании слова. В некоторых из приведенных пар *-ʔ* имеет значение близкое к каузативному. Иногда *-ʔ* образует глаголы от существительных и существительные от глаголов.

Особый случай представляет так называемый индуцированный тон 3, являющийся одним из средств выражения атрибутивной связи: *ŋa* 'я' – но *ŋaʔ im* 'мой дом' (в современном произношении: *ŋa<sup>1</sup> – ŋa<sup>3</sup> eiŋ<sup>1</sup>*). Можно присоединиться к точке зрения П. Бенедикта, что здесь имела место редукция атрибутивного показателя *iʔ*(*ŋ*): *\*ŋa + iʔ + im > ŋaʔ + im* [12]. Такого рода стяжениями двух слогов могут объясняться и некоторые из приведенных выше примеров.

Отметим еще существование пар, в которых шумная терминаль чередуется с носовой того же места образования плюс *-ʔ*: *krak* ‘на-тягивать’ – *kyaqʔ* ‘быть нарядным’; *kyap* ‘быть тесным, настойчивость’ – *kyamʔ* ‘быть прочным, настойчивым’; *nak* ‘что-л. наполненное, совокупность’ – *naqʔ* ‘быть переполненным’; *hnok* ‘мутить, сеять смуту’ – *hnoqʔ* ‘мешать, докучать’; *nok* ‘зад’ – *hnoqʔ* ‘тупой конец (ножа)’; *hruiik* ‘быть вогнутым’ – *hruiqʔ* ‘быть слегка вогнутым’; *phat* ‘быть сухим’ – *phanʔphanʔ* ‘почти сухой’; *hrup* ‘собирать, стягивать’ – *rumʔ* ‘стягиваться, быть сморщенным’. При этом в словах *hruiqʔ* и *phanʔphanʔ* суффикс *-ʔ* имеет отмеченное ранее значение уменьшительности.

Можно было бы предположить, что *-ʔ* прибавлялось иногда к словам с шумной терминалью, которая изменялась при этом в соответствующую носовую (*k + ʔ > ŋʔ* и т.п.), так как в слогах с шумными терминалями противопоставление по тону нейтрализовано, т.е. другими словами, *-ʔ* невозможно после шумной терминали. Однако обнаруживаются аналогичные пары, в которых после носовой терминали следует *-h* или не следует ни *-ʔ*, ни *-h*: *kup* ‘быть согнутым’ – *khumh* ‘быть выпуклым’; *kyap* ‘доска’ – *kyamh* ‘деревянный переплет’; *khruik* ‘быть вогнутым’ – *khruiqh* id.; *kywat* ‘полностью’ – *kywanh* ‘завершать’; *kyak* ‘хорошо знать’ – *kyaq* ‘быть знакомым’; *khat* ‘ударять’ – *kan* ‘отталкивать, пинать’; *ut* ‘быть шумным’ – *unh* id.; *up* ‘покрывать’ – *um* id. и др.

### ТОНОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В КИТАЙСКО-ТИБЕТСКИХ ЯЗЫКАХ

Как указывалось во введении, П. Бенедикт установил соответствие праоллобирманского тона \*1 среднекитайскому ровному тону и тона \*2 – среднекитайскому восходящему тону, реконструировав соответственно пракайтско-тибетские тоны \*А и \*В. Предположение о существовании таких соответствий высказывалось также С.Е. Яхонтовым. По данным И.И. Пейроса, названные соответствия верны только для открытых слогов. Это означает, что бирманское *-h* имеет два разных источника происхождения: 1) китайско-тибетское *\*-s*; 2) китайско-тибетский тон \*В.

Возникают серьезные сомнения, действительно ли тон \*В, реконструированный Бенедиктом, был тоном. В бирманском его рефлекс – *-h*. В китайском – среднекитайский восходящий тон, который, по мнению Э. Пуллиблэнка, возник в результате отпадения древнекитайской конечнослоговой гортанной смычки [34]. Мнение Пуллиблэнка разделялось далеко не всеми специалистами, однако С.А. Старостин показал

что в Шидзине открытые слоги восходящего и падающего тонов, т.е. фактически слоги с конечными *\*ʔ* и *-h* (< *\*s*), рифмуются иногда с закрытыми слогами с терминалью *\*k*, тогда как открытые слоги ровного тона, т.е. действительно открытые слоги, с закрытыми слогами практически никогда не рифмуются [7]. Это довольно определенно подтверждает гипотезу Пуллиблэнка о происхождении восходящего тона.

Таким образом, бирманское *-h* соответствует древнекитайскому *\*ʔ*, а отсутствие *-h* в бирманском соответствует отсутствию *\*ʔ* в китайском. Это означает, что реконструированное Бенедиктом двухтоновое противопоставление должно быть переинтерпретировано как противопоставление двух типов слогов: с неким конечным поствелярным согласным, который чисто условно можно обозначить как *\*H*, и без него. Например: бирм. *ŋa* – др.-кит. *\*ŋā* ‘я’ < *\*ŋa*; бирм. *khaŋ* – др.-кит. *\*khā* ‘горький’ < *\*khāh*. О точной фонетической характеристике этого *\*H* можно лишь гадать, поскольку даже о характеристике бирманского *-h* и китайского *\*ʔ* имеется лишь самое общее представление. Соответствие бирманского *-h* китайскому *\*ʔ* служит важным подтверждением одновременно и бирманской, и китайской реконструкции.

Идея о существовании *\*H* в пракайтско-тибетском была впервые опубликована И.И. Пейросом [6]. Он уточнил и подтвердил китайско-бирманские тоновые соответствия Бенедикта и на основании излагаемой в данной статье гипотезы о реконструкции *-h* в бирманском и результатов С.А. Старостина, подтверждающих реконструкцию *\*ʔ* в древнекитайском, предложил реконструировать китайско-тибетский конечнослоговой элемент *\*H*. Он также установил соответствие между бирманским *-h* и долгой гласной в языке кхам, которая, следовательно, должна быть отражением *\*H*. Поскольку долгота гласного более обычный рефлекс для поствелярного согласного, чем для тона, можно считать, что данные языка кхам также косвенно подтверждают реконструкцию *\*H*.

П. Бенедикт указал рефлексы реконструированных им тонов \*А и \*В для каренских, нунгских, чинских и некоторых других языков, но его выводы требуют проверки, так как в работе очень немного примеров и, кроме того, каренские соответствия не вполне согласуются с результатами Р. Джоунза [23] и Р. Берлинга [15], а чинские – с нашими результатами [3].

Для реконструкции чинской тоновой системы Бенедикт использовал данные трех языков: сизанг (или сийин), тиддим и лушей. Ниже для удобства сравнения используется нумерация тонов, отличающаяся от нумераций, принятой в описаниях этих языков.

Тоны сизанга (с.): 1 – ровный низкий; 2 – восходящий; 3 – падающий; 4 – ровный высокий. Слоги с краткими гласными, имеющие шумную терминаль (-р, -t, -k), имеют обычно тон 3 или 4.

Тоны тиддима (т.): 1 – ровный; 2 – восходящий, перед паузой завершается гортанной смычкой; 3 – падающий. В слогах с кратким гласным, имеющих шумную терминаль (-р, -t, -k и отсутствующий в сизанге -ʔ) противопоставление по тону отсутствует. Перед -ʔ долгие гласные всегда сокращаются, поэтому в слогах с -ʔ противопоставление по тону отсутствует всегда.

Тоны лушеи (л.): 1 – ровный высокий; 2 – ровный низкий; 3 – восходящий; 4 – падающий. Сведений относительно тонирования слогов с кратким гласным и шумной терминалью у нас нет.

Бенедикт реконструировал для праиндонезийской четырехтоновой системы: \*1 > с. 1, т. 1, л. 1; \*2 > с. 3 или 4, т. 2 или 3, л. 3; \*3 > с. 2, т. 2, л. 2; \*4 > с. 2, т. 3, л. 4 [13]. Лексические сопоставления в работе почти не приводятся, что делает невозможной проверку реконструкции.

Материалы по языку лушеи оказались недоступными. На основе имеющихся материалов по сизангу [40] и тиддиму [21] можно заново установить тоновые соответствия между этими двумя языками. Ниже приводятся соответствия и подтверждающий их лексический материал (первое – слово сизанга, второе – тиддима; когда они полностью совпадают, выписывается только одна форма, общая для двух языков; тон в каждом отдельном слове не обозначается, так как везде указано, какое именно тоновое соответствие подтверждают данные примеры; долгота обозначается двоеточием):

с. 1 – т. 1: *a:k* ‘курица’; *u:* ‘старший брат’; *hiŋ* ‘живой’; *khaŋ* – *xaŋ* ‘рождать, вырастать’; *kha:i* – *xa:i* ‘повесить’; *khi:* – *xi:* ‘лающий олень’; *khu:* – *xu:* ‘деревня’; *kho:i* – *xo:i* ‘выращивать, кормить’; *gan* – *gan* ‘животное’; *gam* – *gam* ‘суша, округ’; *gu:l* – *gu:l* ‘змея’; *ta:i* ‘бежать’; *tua* ‘тот’; *to:p* – *to:p* ‘кончать’; *tha:* – *xa:* ‘дух’; *thi:* – *si:* ‘умирать’; *da:k* ‘гонг’; *sa:ŋ* ‘быть высоким’; *san* ‘красный’; *sa:i* ‘слон’; *sial* – *sial* ‘вид животного’; *suŋ* ‘в’; *zi:ŋ* ‘рано’; *na:* ‘болеть’; *ni:* ‘день’; *nui* – *nu:i* ‘смеяться’; *la:m* ‘танцевать’; *pal* ‘рано’; *rai* ‘идти’; *ra:u* ‘разговаривать’; *pu:* ‘отец отца’; *po:* – *rou* ‘расти’; *ma:ŋ* ‘начальник’; *vom* ‘медведь’;

с. 2 – т. 2: *an* ‘еда’; *i:t* ‘любить’; *in* ‘дом’; *en* ‘смотреть’, *om* ‘быть’; *hun* ‘время’; *huan* ‘варить’; *ka:p* ‘стрелять’; *ki:k* ‘снова’; *kuan* ‘идти работать’; *ta:* ‘сын’; *te:* (показатель множественного числа); *tuŋ* ‘наверху’; *tha:* ‘сила’; *tha:k* – *xa:k* ‘посылать (сообщение)’; *thu:* ‘рассказ’; *sa:* ‘мясо, животное’; *sa:t* ‘бить’; *sam* ‘звать’; *suak* ‘появляться’; *za:* ‘слышать’; *zo:* – *zou* ‘мочь, побеждать, кон-

чать’; *zo:* – *zou* ‘кончать’; *naŋ* ‘ты’; *ne:* ‘кушать’; *no:* – *neu* ‘ребенок, быть маленьким’; *lam* ‘путь’; *pa:* ‘мужчина’; *pal* ‘споткнуться’; *ma:i* ‘лицо’; *mei* ‘хвост’;

с. 3 – т. 3: *ha:u* ‘быть богатым’; *hi:* ‘быть’; *ka:i* ‘собирать налог, тянуть, висеть’; *kum* ‘год’; *khia* – *xia* ‘бросать (вниз)’; *ti:* – *tsi:* ‘сказать’; *thau* ‘ружье’; *zaŋ* ‘быть использованным’; *za:* ‘сто’; *nei* ‘иметь’; *pan* ‘из, от’; *baŋ* ‘быть похожим’; *be:ŋ* ‘прыгать, ударить ладонью’ (последнее под сомнением);

с. 4 – т. 2: *ei* ‘мы’; *ke:i* – *kei* ‘я’; *ŋui* – *gui* ‘жила, корень’; *tui* – *tu:i* ‘вода’; *daŋ* ‘отличаться’; *doŋ* ‘до’; *nu:* ‘женщина’; *nue:i* – *nu:i* ‘под’; *bu:* ‘гнездо’; *mi:* ‘человек’; *va:* ‘птица’.

с. 4 – т. 3: *i:* ‘мы’; *kua* ‘кто’; *ko:* – *kou* ‘мы’; *kue:i* – *kuai* ‘сгибать’; *ŋe:l* – *ge:l* ‘оба’; *taŋ* – *ta:ŋ* ‘древний’; *tu* – *tu:* ‘этот’; *the:i* – *thei* ‘знать, мочь’; *lai:* ‘письмо’; *pum* ‘живот, тело’; *mu:* ‘видеть’;

с. 4 – т. -ʔ: *he:* – *heʔ* ‘горевать, быть сердитым’; *khe:* – *xheʔ* ‘снимать кожуру, растреснуть’; *ta:* – *taʔ* (показатель удаленности действия), ‘уже’; *tia* – *tsiaʔ* ‘возвращаться’; *da:* – *daʔ* ‘горевать’; *de:i* – *deiʔ* ‘хотеть’; *sia* – *siaʔ* ‘ловить в ловушку’; *sia* – *siaʔ* ‘налоги’; *li:* – *giʔ* ‘семь’; *pi:* – *piʔ* ‘большой, все вместе’; *ma:* – *maʔ* (показатель единственного числа личных местоимений).

Слоги с краткими гласными, имеющие шумную терминаль:

с. 3 – т. 0 (т.е. в тиддима – нейтрализация по тону): *khat* – *xat* ‘один’; *tak* ‘определенно, быть правильным’; *lu:k* – *guk* ‘шесть’; *phot* ‘сначала’; *vok* ‘свинья’;

с. 4 – т. 0: *kap* ‘кричать’; *that* ‘убивать’; *mit* ‘глаз’.

Кроме перечисленных, изредка встречаются другие соответствия, которые можно считать нерегулярными:

с. 1 – т. 2: *tam* ‘быть многочисленным’; *tiaŋ* – *tsiaŋ* ‘когда’; *the:m* – *xhe:m* ‘обманывать’; *sal* ‘раб’; *zu* – *zu:* ‘крыса’;

с. 1 – т. -ʔ: *a* – *aʔ* ‘в, на’; *hai:* – *haiʔ* ‘не достичь цели, откладывать, мешкать’; с. 2 – т. 1: *za:n* ‘вечер, вчера’; с. 2 – т. 3: *ŋei* – *ŋe:i* ‘наверняка, обычно, когда-либо’; *baŋ* ‘что’; с. 3 – т. 1: *ka:ŋ* ‘гореть’; *ŋa:i* – *gai:* ‘думать, намереваться’; с. 3 – т. -ʔ: *ŋua:* – *guaʔ* ‘дождь’; *to* – *toʔ* ‘с, и’; *mo* – *moʔ* ‘не мочь, быть виноватым’ (последнее под сомнением); с. 4 – т. 1: *hi:* ‘этот’; *ŋua:* – *gua* ‘бамбук’; *doŋ* – *do:ŋ* ‘спрашивать, отвечать’ (под сомнением); *sa:* ‘думать’.

Если к полученным выше соответствиям между сизангом и тиддимом дописать соответствия лушеи по данным Бенедикта, то получится следующая система:

Прачинский Сизанг Тиддим Число обнаруженных примеров (см. выше) Лушей

*1	1	1	34 примера	1
*2	2	2	31 пример	2
*3	3	3	13 примеров	3
*4a	4	2	11 примеров	3
*4b	4	3	11 примеров	3
*4c	4	-?	11 примеров	(?)

Наиболее бесспорна реконструкция тонов \*1 и \*2 (у Бенедикта они имеют номера 1 и 3). На месте наших тонов \*3 и \*4 Бенедикт реконструирует один тон \*2, опираясь на язык лушей. На соответствие с. 2 – т. 3 (рефлексы тона \*4 у Бенедикта) обнаружилось лишь два примера (см. выше, нерегулярные соответствия), т.е. на материале сизанга и тиддима реконструкция тона \*4 Бенедикта не подтверждается. Не ясно, действительно ли тоны \*4a, \*4b, \*4c являются тремя разными тонами ли же в тиддиде каким-то образом произошло «расщепление» единого тона \*4.

Из рассмотрения были исключены глагольные формы конъюнктива, так как в противном случае к чисто фонетическим соответствиям примешались бы морфология и морфонология. Конъюнктив, а также каузатив и отглагольное имя, которые могут образовываться точно так же, как конъюнктив, обычно получается в сизанге путем замены тона исходной формы на тон 3 или 4, а в тиддиде – на тон 3 или, если в исходной форме тон 3, – на -?. Есть также целый ряд нерегулярных случаев. Пока не удастся реконструировать общую для сизанга и тиддима исходную систему образования названных форм. Однако их анализ позволяет сделать интересный вывод, что тиддимский тон 3 по крайней мере в тех случаях, где он выполняет грамматические функции, восходит к суффиксу \*s.

Дело в том, что замена тонов 1 и 2 тоном 3 в тиддиде регулярно сопровождается изменением терминали -ŋ в -n: kaŋ<sup>1</sup> ‘жарить’ > kan<sup>3</sup> и т.п. При этом в тиддиде существуют слова с конечным -n и тоном 3: xaŋ<sup>3</sup> ‘время сна’, ta:ŋ<sup>3</sup> ‘быть древним’ и др. Поскольку известен китайско-тибетский суффикс \*s, образующий, в частности, каузативы и отглагольные имена, наблюдаемое в тиддиде морфонологическое изменение легко объясняется ассимиляцией: \*ŋs > \*ns > -n<sup>3</sup>. Без допущения, что грамматический тон 3 в тиддиде восходит к суффиксу \*s, переход -ŋ > -n едва ли объясним.

Таким образом, чинские тоны \*3 и \*4 широко используются в грамматической функции и в части случаев имеют вторичное происхождение из суффикса \*s. В отличие от них тоны \*1 и \*2 не имеют грамматических функций, встречаются в значительно большем числе корней и могут считаться основными, предположительно – более древними, чем тоны \*3 и \*4.

При сравнении с бирманским языком обнаруживается корреляция между бирманским -h и чинским тоном \*2, отсутствием -h в бирманском и чинским тоном \*1. Ниже приводится подтверждающий материал (из-за ограниченности чинской лексики в доступных работах в ряде случаев к сравнению привлекались слова, зафиксированные лишь в описании одного из двух чинских языков; в этом случае принималось допущение, что тон 1 тиддима и сизанга всегда восходит к чинскому тону \*1, а тон 2 – всегда восходит к тону \*2):

чин. тон \*1 – б. Ø (т.е. отсутствие -h): т., с. hiŋ – б. hraŋ ‘живой’; т. xi, с. khi – б. khye ‘лающий олень’; т. gu:l, с. ŋu:l – б. mŋwe ‘змея’; т., с. tua – б. thui ‘тот’; т. si:, с. thi: – б. se ‘умирать’; т., с. na: – б. na ‘болеть’; т., с. ni: ‘день’ – б. ne ‘солнце, жить’ (и отсюда б. ne? ‘день’); т., с. vom – б. wam ‘медведь’; т. kaŋ – б. kaŋ ‘жарить’; т. sam – б. cham ‘волос’; т. nam – б. nam ‘пахнуть’; т. gal – б. ran ‘война, враг’; т. sa: ‘свет’ – б. sa ‘быть ясным, светить’; т. lei – б. hlya ‘язык’; т. tuŋ ‘быть поставленным вертикально’ – б. thoŋ ‘ставить вертикально’; с. kui – б. khwe ‘изгибаться’; с. thiaŋ – б. saŋ ‘очищать’; с. lum – б. lum ‘быть теплым’;

чин. тон \*1 – б. -h: т., с. u: ‘старший брат’ – б. uh ‘дядя, старший человек’; т., с. pal ‘рано’ – б. bhayh ‘до, перед’; т., с. pau – б. proh ‘говорить’; т. pou, с. po: – б. pawh ‘расти’; т., с. ma:ŋ – б. maŋh ‘правитель’; т. lo:i – б. kywayh ‘буйвол’; т. pua ‘нести’ – б. puih ‘нести на спине’; с. luaŋ – б. loŋh ‘труп’; с. pual ‘прятать’ – б. punh ‘прятаться’; с. luaŋ ‘течь’ – б. loŋh ‘лить’;

чин. тон \*2 – б. -h: т., с. ta: – б. sah ‘сын’; т., с. sa: – б. sah ‘мясо, животное’; т., с. lam – б. lamh ‘дорога’; т., с. mei – б. mrih ‘хвост’; т. ŋa: – б. ŋah ‘рыба’; т. xa: – б. khah ‘горький’; т. gu: ‘быть украденным’ – б. khuih ‘красть’; т. pa: – б. pah ‘быть тонким’; т. ?wi – б. khweh ‘собака’; т. si: – б. sweh ‘кровь’; с. ki: ‘воробей’ – б. kyeh ‘попугай, птицы’; с. ŋo:m – б. rumh ‘собирать’; с. mei – б. mih ‘огонь’; с. mul ‘перья’ – б. mweh ‘волосы на теле, шерсть’;

чин. – тон \*2 – б. Ø: т., с. in – б. im ‘дом’; т., с. naŋ ‘ты’; т., с. sam ‘звать’ – б. sam ‘голос, звук’; т. ta:n ‘стандарт, норма’ – б. tan ‘быть подходящим’; т. tuŋ – б. tuiŋ ‘приходить’.

Приведены только наиболее правдоподобные лексические сопоставления, хотя некоторые из них могут показаться сомнительными без соответствующих комментариев. Бирманские примеры с *-ʔ* не учитывались, так как они не показательны в силу вторичности *-ʔ*. То же относится к чинским тонам \*3 и \*4. Числительные не рассматривались, поскольку ранее было высказано предположение, что в бирманском они могут иметь суффиксальное *-h < \*s*. Результаты чинско-бирманского сравнения можно представить в следующем виде:

	Бирманское <i>∅</i>	Бирманское <i>-h</i>
Чинский тон *1	18 примеров	10 примеров
Чинский тон *2	5 примеров	14 примеров

Отсюда видно, что чинскому тону \*2 явно соответствует бирманское *-h*: 14 примеров за, 5 примеров против. Если же принять точку зрения И.И. Пейроса, что \**H* реконструируется только в открытых слогах [6], и рассматривать лишь чинские открытые слоги, то окажется, что соответствие тона \*2 бирманскому *-h* наблюдается в 11 примерах при полном отсутствии исключений.

Чинскому тону \*1, по-видимому, соответствует бирманское *∅*, хотя процент нерегулярных случаев здесь значительно больше. Поскольку бирманское *-h* имеет двойное происхождение, из \**H* и из \**s*, регулярность тоновых соответствий с чинскими языками должна быть не слишком высокой. Теоретически бирманскому *-∅* должен очень регулярно соответствовать чинский тон – рефлекс китайско-тибетского *∅*; бирманскому *-h* чаще должен соответствовать чинский рефлекс китайско-тибетского \**H*, но также и рефлекс \**∅* – в тех случаях, когда *-h* восходит к \**s*. Чинскому рефлексу \**H* должно с большой степенью регулярности соответствовать бирманское *-h*; чинскому рефлексу китайско-тибетского \**∅* должно чаще соответствовать в бирманском *∅*, но также и *-h*, если он восходит к \**s*. Именно такая картина реально наблюдается, если считать, что чинским рефлексом китайско-тибетского \**∅* является тон \*1, а рефлексом \**H* является тон \*2.

Итак, рефлексом \**H* в чинских языках оказывается тон \*2, который в свою очередь имеет своим рефлексом в тиддике тон 2, характеризующийся конечной гортанной смычкой. Сама по себе гортанная смычка в тиддике ничего не может доказывать, но ее наличие блестяще согласуется с бирманскими и китайскими фактами и служит дополнительным подтверждением для реконструкции китайско-

тибетского \**H*. Тем самым следует предположить наличие конечной гортанной смычки и в праинских слогах с тоном \*2.

## ТОНЫ В ЛОЛО-БИРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Поскольку между тонами лоло-бирманских языков установлены регулярные соответствия, из вторичности бирманских тонов неизбежно следует вывод о вторичности тонов во всех остальных лоло-бирманских языках. Их насчитывается не один десяток, но все вместе они дают несоизмеримо меньшие основания для гипотезы о вторичности тонов, чем один бирманский язык. Такая уникальность бирманского языка не вызывает удивления, поскольку это единственный лоло-бирманский язык со старой фонетической письменностью и, что еще более важно, он сохранил почти неизменной лоло-бирманскую систему финалей, тогда как в большинстве других языков утрачены практически все конечнослоговые согласные. Впрочем, в этих языках также обнаруживаются некоторые косвенные свидетельства в пользу излагаемой гипотезы.

Поскольку бирманские тоны 1, 2 и 3 однозначно соответствуют реконструированным лоло-бирманским тонам \*1, \*2 и \*3, для лоло-бирманского следует реконструировать конечный элемент \**-ʔ* вместо тона \*3, конечный \**-h* вместо тона \*2 и отсутствие \**-ʔ* и \**-h* (условно обозначаемое как \**∅*) вместо тона \*1. Ниже рассмотрены рефлексы \**∅*, \**-h* и \**-ʔ* в ряде лоло-бирманских языков. Для удобства сравнения использована нумерация тонов, отличная от той, которая принята в описаниях соответствующих языков. В каждом языке номер 1 имеет наиболее обычный рефлекс \**∅*, номер 2 – наиболее обычный рефлекс \**h*, номер 3 – наиболее обычный рефлекс \**ʔ*. Этот же принцип соблюден и в бирманской нумерации тонов. Номера 4 и 5 имеют наиболее обычные рефлекссы, соответственно высокого и низкого тонов слогов с шумными терминалями, в бирманском языке в этом типе слогов тоновые противопоставления отсутствуют. Остальные тоны обозначаются цифрами 1, 2, 3, 4, 5 с индексом «а» – в зависимости от того, какое единственное или наиболее типичное происхождение они имеют: из \**∅*, \**h*, \**ʔ*, высокого тона (\* , низкого тона (ˊ). Такой способ обозначения гораздо нагляднее существующих. Сравнительный лексический материал не приводится, так как он содержится в работах, посвященных установлению фонетических соответствий [14; 16; 26; 28; 30; 31; 36; 37].

Язык мару. Тон 1 – падающий, тон 2 – ровный средней высоты, тон 3 – ровный высокий; \**∅* > тон 1; \**h* > тон 2/тон 1; \**ʔ* > тон 3. Рефлексом \**h* чаще всего бывает тон 2 (три четверти всех примеров);



появление в этом случае тона 1 равносильно спорадическому отпадению \*h. Дополнительного распределения найти не удастся, но для реконструкции на основании этого двойного рефлекса дополнительного лоло-бирманского тона, как это делает Р. Берлинг [16], нет достаточных оснований, так как ни в одном другом лоло-бирманском языке не удастся найти подтверждений такой реконструкции. В отличие от бирманского в слогах с шумными терминалями тоны различаются, но они не отражают старых противопоставлений (т.е. не восходят к тонам \*В и \*Н), а исторически обусловлены типом инициали. В слогах с финалями -uk, -uʔ, -oʔ (< \*aw) и -it (< \*iy), имеющих в мару шумные терминали, но восходящих к лоло-бирманским слогам без шумных терминалей, \*∅ дает тон 1, \*ʔ дает тон 3 – как в слогах без шумных терминалей, но \*h дает тоны 1, 2 или 3 в зависимости от типа инициали – как в обычных слогах с шумными терминалями. Берлинг, по-видимому, не заметил этого последнего обстоятельства и рассматривал некоторые корни с вторичными шумными терминалями как примеры на переход \*h > тон 1.

Язык аци. Тон 1 – ровный средней высоты, долгий; тон 1а – падающий средней высоты, краткий; тон 2 – падающий высокий, краткий; тон 2а – падающий низкий, средней длительности; тон 3 – ровный высокий, долгий. В слогах с шумными терминалями, как и в мару, существуют тоновые противопоставления, обусловленные типом инициали. Фонологический статус их не вполне ясен.

Тоновые рефлексы зависят от принадлежности слова к классу глаголов (включая прилагательные и наречия) или же к классу существительных (включая личные местоимения и числительные). Такую закономерность трудно объяснить иначе, как путем предположения, что хотя бы одна из этих двух частей речи маркировалась в прошлом неким стандартным показателем (аффиксом, определенной фонацией или чем-либо другим). Обозначим этот показатель чисто условно как x и допустим, что им маркировались существительные – в этом случае получается более стройная картина. Условно обозначим придыхательные и глоттализированные инициали, а также инициали s- и ʒ- как Ch-, а все прочие инициали – как C-. В таком случае, тон 1 возник только в слогах типа C- + \*∅ + x. В слогах типа C- + \*∅ + x и Ch- + \*∅ возник тон 1а и, в редких случаях, тон 2. В слогах типа Ch- + \*∅ + x, C- + \*h и Ch- + \*h возник тон 2. В слогах типа C- + \*h + x и Ch- + \*h + x возник тон 2а. Во всех слогах с \*ʔ возник тон 3.

Такой способ описания позволяет обнаружить чрезвычайно интересный факт: гипотетический показатель x оказывает в процессе тонообразования влияние, сходное с влиянием Ch- и \*h. Тон 1а возник-

кает при наличии в слоге Ch- или x. Тон 2 возникает под влиянием \*h или же под совокупным влиянием Ch- и x; каждого из них по отдельности оказывается как бы недостаточно, чтобы сравняться по мощности с влиянием \*h; в то же время спорадическое появление тона 2 вместо тона 1а означает, что иногда одного Ch- или одного x все же достаточно для воздействия, равноценного воздействию \*h. Наконец, сочетание \*h и x производит особый эффект (как бы еще более мощный), приводящий к появлению тона 2а.

Мы воздержимся от конкретной интерпретации описанных наблюдений, однако они позволяют с большей уверенностью предполагать, что знак x отражает какую-то фонетическую реальность, т.е. существительные действительно особым образом маркировались, причем чем-то вроде конечного \*s или \*h или придыхательной фонации.

Берлинг дифференцировал не все из перечисленных выше типов слогов (он не различал C- + \*∅ + x и Ch- + \*∅ + x) и поэтому счел необходимым реконструировать дополнительный лоло-бирманский тон для объяснения случаев \*∅ > тон 2 [16].

Язык акха. Тон 1 – высокий, ровный; тон 2 – низкий, слегка понижающийся; тон 3 – средний, ровный; тон 4 – средний, ровный, глоттализированный; тон 5 – низкий, слегка понижающийся, глоттализированный. Старая система противопоставлений сохранилась идеально: \*∅ > тон 1; \*h > тон 2; \*ʔ > тон 3; \*В > тон 4; \*Н > тон 5.

Язык лаху. Тон 1 – низкий, слегка понижающийся; тон 2 – высокий, слегка понижающийся; тон 2а – низкий, ровный; тон 3 – средней высоты, ровный; тон 4 – высокий, слегка понижающийся, глоттализированный; тон 5 – низкий, слегка понижающийся, глоттализированный; тон 5а – высокий восходящий. В зависимости от исторического типа инициали \*∅ дает тон 1 или тон 3, а \*h дает тон 2 или тон 2а; \*ʔ дает тон 3; \*В дает тон 4; \*Н дает тон 5 или тон 5а в зависимости от исторического типа инициали.

Язык лису. Тон 1 – ровный, средней высоты; тон 2 – очень низкий; тон 2а – очень высокий; тон 3 – слегка восходяще-нисходящий, глоттализированный; тон 4 – слегка восходящий, средней высоты; тон 5 – краткий, интенсивный, завершается гортанной смычкой. В зависимости от типа инициали \*∅ дает тон 1 или тон 3, а \*h дает тон 2 или тон 2а; \*ʔ дает тон 3; \*В дает тон 3 или тон 4 – в зависимости от типа инициали; \*Н дает тон 5. Следует обратить внимание на то, что рефлекс \*ʔ, тон 3, характеризуется наличием глоттализации.

Язык сани. Тон 1 – среднего уровня; тон 2 – низкий; тон 2а – высокий; тон 4 – средний по уровню между тонами 1 и 2а; тон 5 – средний по уровню между тонами 1 и 2, краткий, глоттализированный.

В зависимости от типа инициали  $*\theta$  дает тон 1 или тон 4, а  $*h$  дает тон 2 или тон 2а;  $*\rho$  дает тон 4;  $*В$  дает тон 4;  $*Н$  дает тон 5 или тон 2а – в зависимости от типа инициали.

Тоны  $*В$  и  $*Н$ , по мнению Дж. Матисоффа, возникли в пралоло уже после разделения пралолобирманского на две ветви, чем и объясняется отсутствие их рефлексов в бирманском [30]. Основная идея его гипотезы сводится к тому, что высокий тон возник в слогах с глухими инициалами, а низкий – в слогах со звонкими инициалами. Естественность такого развития с точки зрения типологии и физиологии речи делает эту идею особенно привлекательной. Поскольку тонообразование во всех типах слогов в языках лоло в любом случае безусловно связано с инициалами, возникновение тонов  $*В$  и  $*Н$  хорошо вписывается в общую историческую схему.

Для пралолобирманского достоверно реконструируются следующие типы инициалей: звонкие (условно обозначим их как  $*g-$ ); глухие (обозначим их как  $*k-$ ; глухие смычные фактически явно были придыхательными); преназализованные ( $*nk-$ ); сочетание инициали с префиксом (условно обозначим как  $*sk-$ , хотя, возможно, префиксом мог быть не только  $*s-$ ). Звонкая инициаль вызывает тон  $*Н$ , тогда как любая другая может сочетаться и с  $*В$ , и с  $*Н$ . Для объяснения случаев, когда  $*ik-$  и  $*sk-$  вызывают тон  $*Н$ , Матисофф вынужден дополнительно реконструировать  $*ng-$  и  $*sg-$ , хотя никаких других оснований для этого нет. Если  $*k-$  сочетается с тоном  $*Н$ , реконструируется  $*Ck$ , где  $*C-$  – некий звонкий префикс (или префиксы).

Все это вызывает целый ряд возражений. Во-первых, объяснительная сила теории оказывается очень низкой, так как везде, кроме слогов с  $*g-$ , устранение двух тонов достигается увеличением в два раза числа инициалей, причем без особых на то оснований. Во-вторых, реконструированные Матисоффом звонкие часто оказываются в чередовании с соответствующими глухими ( $*Ck-/sg-$ ,  $*sk-/sg-$  и т.п.), хотя для обычных звонких чередования с глухими не типичны. В-третьих, маловероятно, чтобы звонкий префикс  $*C-$  мог влиять «сквозь» глухую шумную инициаль, вызывая тон  $*Н$ ; тем более, что преназализация такого влияния не оказывала. Часто оказывается, что форма слова в одном языке указывает на  $*C-$ , а в другом – на  $*s-$  или отсутствие префикса. Существование такого варьирования означает одно из двух: или  $*C-$  сохранялось как таковое в пралолобирманском языке или даже в пралоло, бесследно исчезнув в прамарубирманском и не оказав влияния на инициаль ни в одном из языков; или  $*C-$  исчезло раньше, но

тогда тоны  $*В$  и  $*Н$  существовали уже в пралолобирманском, что Матисофф отрицает.

Считается, что хорошо известный китайско-тибетский суффикс  $*-s$ , часто связанный с тоногенезисом, бесследно исчез в лоло-бирманских языках, не сыграв никакой роли в возникновении тонов  $*В$  и  $*Н$ . Между тем реконструкция его в лоло-бирманских слогах с шумными терминалями напрашивается сама собой, так как в китайском и тибетском он встречается в любых типах слогов. Из двух тонов, высокого и низкого, с типологической точки зрения,  $*-s$  должен вызывать скорее низкий тон. Именно так и окажется, если заменить суффиксом  $*-s$  звонкий префикс  $*C-$  и дополнительно реконструированную звонкость инициалей:  $*kaps$ ,  $*nkaps$ ,  $*skaps$  вместо  $*Ckap$ ,  $*ngap$ ,  $*sgap$ . В таком случае странное чередование звонких и глухих инициалей переинтерпретируется как наличие/отсутствие суффикса  $*s$ .

Поскольку  $*s$  образует, в частности, каузативы, можно ожидать существования в языках лоло пар глаголов, один из которых имеет тон  $*В$ , а другой (каузатив) – тон  $*Н$ . Хотя систематический поиск не проводился, одна такая пара обнаружена: лаху  $chi^4$  ‘быть задерживаемым, преграждаемым’ –  $chi^5$  ‘задерживать, препятствовать’ (соответствуют бирманскому  $khyur$  ‘ограничивать и др’). Для полной убедительности требуются дополнительные примеры, но и одна эта пара может служить серьезным аргументом в пользу  $*s$ . Вообще же в языках лоло обнаруживается значительное число случаев варьирования тонов, которые должны объясняться наличием/отсутствием предполагаемого суффикса  $*s$  после шумных терминалей.

Все числительные от одного до девяти с шумными терминалями имеют тон  $*Н$ : акха  $i^5$  ‘один’,  $ni^5$  ‘два’,  $ko^5$  ‘шесть’,  $si^5$  ‘семь’,  $ye^5$  ‘восемь’. В свете сделанного ранее вывода о наличии суффикса  $*s$  в числительных это является еще одним подтверждением реконструкции  $*s$  после шумных терминалей. В словах со значением «два», «семь», «восемь» тон  $*Н$  легко объясняется звонкостью пралолобирманской инициали, что не противоречит и реконструкции в них  $*s$ . Но в словах ‘один’ и ‘шесть’ Матисофф реконструирует  $*C$ , что означает безусловное наличие  $*s$ . Шумную терминаль имеют два лоло-бирманских слова, обозначающие домашних животных: б.  $wak$  ‘свинья’ и б.  $chit$  ‘коза’. Оба они имеют тон  $*Н$ , причем в названии козы он не может быть объяснен влиянием инициали. Это хорошо согласуется с предположением о наличии  $*s$  в словах, обозначающих домашних животных.

Все полученные выводы можно суммировать следующим образом. В китайско-тибетском праязыке существовали  $*s$  (во всех типах сло-

гов) и \*Н (только в слогах без шумных терминалей). В древнекитайском и праиндоевропейском \*Н > \*ʔ. Тонов скорее всего не было, хотя с полной уверенностью этого утверждать нельзя, так как \*s и \*Н позволяют пока объяснить возникновение тонов далеко не во всех китайско-тибетских языках.

В древнебирманском отражением \*s и \*Н является конечнослоговой элемент -h, сохранившийся после гласных и перешедший, по видимому, в придыхательную фонацию в слогах с сонорными терминалями. Единый рефлекс \*s и \*Н приходится реконструировать и для пралоло-бирманского языка позднего периода. Этим рефлексом неизбежно должен быть постулярный согласный типа -h. Рефлексом \*s в слогах с шумными терминалями является тон \*Н. В пралолобирманском существовал суффикс \*ʔ, представляющий собой лоло-бирманскую инновацию, но закрепление его в конкретных словах происходило в большинстве случаев позднее — в отдельных подгруппах и языках.

Детали исторического развития и относительная хронология связаны с целым рядом неясностей. После совпадения \*s и \*Н (т.е. после изменения \*s > \*-h) \*s должно было исчезнуть и в слогах с шумными терминалями. По аналогии можно предполагать \*kaps > \*kaph. Однако слоги типа kaph вряд ли можно считать обычными для языков данного ареала, и они быстро должны были бы совпасть со слогами типа kap. Если же исчезновение \*s сразу привело к возникновению тонов, то оказывается, что фонологически значимые тоны существовали только в слогах с шумными терминалями. Такая система почти нереальна, поскольку в данном ареале именно слоги с шумными терминалями имеют редуцированный набор тонов или не имеют тонов вовсе.

Можно предположить, что исчезновение \*s привело сначала к возникновению не тона \*Н, а придыхательной фонации (breathy voice), которая вполне могла присутствовать и в слогах типа \*ka(m)h составляя вместе с \*h единый фонологический признак слога. В таком случае, слоги \*kap — \*ka<sup>h</sup>p и \*ka(m) — \*ka(m)h противопоставлялись по одному и тому же дифференциальному признаку. В мару-бирманских языках \*kap и \*ka<sup>h</sup>p совпали. Под влиянием инициалей возникли два тоновых регистра. Возможно, что это произошло в пралоло, сохранившем противопоставление инициалей по глухости-звонкости, и не произошло в прамарубирманском, так как звонкие там оглушились. Регистры могли возникнуть и в пралолобирманском, а в прамарубирманском исчезнуть из-за долгого сохранения -h и отсутствия фонологически значимых тонов. Затем произошло типологически закономерное изменение: придыхательная фонация исчезла, дав низкий ре-

гистр, который совпал с низким регистром, обусловленным инициалами. Скорее всего это совпадение, приведшее к возникновению фонологически значимых тонов \*В и \*Н, произошло в пралоло. Исчезновение придыхательной фонации, вероятно, было связано с исчезновением -h в слогах без шумных терминалей и происходило параллельно с ним в процессе перестройки системы фонационно-сегментных противопоставлений в систему тоновых противопоставлений в языках лоло. Как известно, бирманский язык хуже, чем языки лоло, сохранил начало слога, но несравненно лучше их сохранял долгое время конец слога. Именно с этим в конечном счете связаны более ранние и интенсивные процессы тонообразования в языках лоло по сравнению с бирманским.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Бирманско-русский словарь. Под ред. Г.Ф. Мининой, У Чо Зо. М., 1976.
2. Головастиков А.Н. К истории бирманского тона. — Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов. Тезисы докладов. Ч. I. Языкознание, литература. М., 1974.
3. Головастиков А.Н. К реконструкции чинской тоновой системы. — ПР, с. 68—71.
4. Головастиков А.Н. О происхождении тона в бирманском языке. — Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". Тезисы докладов. М., 1977.
5. Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Язык пали. М., 1965.
6. Пейрос И.И. Об одном сино-тибетском суффиксе. — Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Литературоведение, языкознание. М., 1976.
7. Старостин С.А. О тонах в древнекитайском языке. — Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983.
8. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. М., 1965.
9. Яхонтов С.Е. Современное состояние вопроса о генетических связях языков Юго-Восточной Азии. — Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983.
10. Эй Маун, У. Паган чауса лэйвэйзин (Избранные надписи Пагана). Рангун, 1958 (မေမာဒါးဦး၊ ပုဂံကျောက်စာ စာပိုဒ်စုစု II) .
11. Armstrong L. E., Pe Maung Tin. A Burmese Phonetic Reader. L., 1925.
12. Benedict P. K. Sino-Tibetan. A Conspectus. Cambridge (Mass.), 1972.
13. Benedict P. K. The Sino-Tibetan Tonal System. — Langues et Techniques, Nature et Société, T. I. Approche Linguistique. P., 1972.
14. Bradley D. Proto-Loloish (Scandinavian Institute of Asian Studies Monograph Series, № 39). L.-Malmö.

15. *Burling R. Proto-Karen. A Reanalysis.* – Occasional Papers of the Wolfenden Society on Tibeto-Burman Linguistics. Ann Arbor, 1969, vol. I.
16. *Burling R. Proto-Lolo-Burmese* (Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics. № 43). Bloomington, 1967.
17. *Conrady A. Eine indochinesische Causativ-Denominativ Bildung und Zusammenhang mit den Tonaccent.* L., 1896.
18. *Cushing J.N. Elementary Handbook of the Shan Language.* Rangoon–L., 1880.
19. *Halliday R. A Mon-English Dictionary.* Rangoon, 1955.
20. *Haudricourt A.G. De l'origine des tons en vietnamien.* – Journal Asiatique, 1954, t. 242.
21. *Henderson E.J.A. Tiddim Chin.* L., 1965.
22. *Jones R.B., U Hkin. The Burmese Writing System.* Wash., 1953.
23. *Jones R.B. Karen Linguistic Studies* (University of California Publications in Linguistics. Vol. 25). Berkeley, 1965.
24. *Judson A. Grammar of the Burmese Language.* Rangoon, 1888.
25. *Judson A. Burmese-English Dictionary.* Rangoon, 1953.
26. *Matisoff J.A. Lahu and Proto-Lolo-Burmese.* – Occasional Papers of the Wolfenden Society on Tibeto-Burman Linguistics. Ann Arbor, 1969, vol. I.
27. *Matisoff J.A. Mpi and Lolo-Burmese Microlinguistics* (Monumenta Serindica, № 4). Tokyo, 1978.
28. *Matisoff J.A. Review of Robbins Burling "Proto-Lolo-Burmese".* – Language. 1968, vol. 44, № 4.
29. *Matisoff J.A. The Grammar of Lahu* (University of California publications in Linguistics. Vol. 75). Berkeley, 1973.
30. *Matisoff J.A. The Loloish Tonal Split Revisited* (Center for South and Southeast Asia Studies. University of California. Research Monographs, № 7). Berkeley, 1972.
31. *Matisoff J.A. The Tones of Jinghpaw and Lolo-Burmese: Common Origin vs. Independent Development.* – Acta linguistica Hafniensia. 1974, vol. 15, № 2.
32. *Okell J.A. A Reference Grammar of Colloquial Burmese.* L., 1969, vol. I.
33. *Pulleyblank E.G. An Interpretation of the Vowel Systems of Old Chinese and of Written Burmese.* – Asia Major. 1963, vol. 10, № 2.
34. *Pulleyblank E.G. The Consonantal System of Old Chinese.* – Asia Major. 1962, vol. 9, № 1–2.
35. *Shafer R. Introduction to Sino-Tibetan.* Pt. 1. Wiesbaden, 1966.
36. *Shafer R. Introduction to Sino-Tibetan.* Pt. 4. Wiesbaden.
37. *Shafer R. Phonétique historique des langues lolo.* – T'oung Pao. 1952, vol. 41.
38. *Shorto H.L. A Dictionary of the Mon Inscriptions from the Sixth to the Seventeenth Centuries.* L., 1971.
39. *Sprigg R.K. A Comparison of Arakanese and Burmese based on Phonological Formulae.* – Linguistic Comparison in South East Asia and the Pacific. L., 1963.
40. *Stern T. A Provisional Sketch of Sizang (Siyin) Chin.* – Asia Major. 1963, vol. 10, № 2.

**ИССЛЕДОВАНИЯ  
ПО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ  
В СЕМИНАРЕ ИМЕНИ В.М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА  
ПРИ ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ  
АН СССР в 1978–1986 гг.<sup>1</sup>**

В период с 1978 по 1986 гг. в рамках Ностратического семинара им. В.М. Иллич-Свитыча продолжалась работа по исследованию просодических систем различных языков.

Типологическую поддержку получила тонологическая гипотеза происхождения парадигматических акцентных систем в связи с открытием в 1978 г. (С.А. Старостин) тонов в абазинском языке и установлением их связи с системой постановки ударения в абхазском. Результаты этих исследований и их типологические следствия изложены в докладе В.А. Дыбо, С.Л. Николаева и С.А. Старостина на Таллинской конференции [50].

Разрабатывалась дагестанская акцентология. Кроме обнаруженных ранее тональных противопоставлений в тиндинском, чамалинском и инхокваринском [52], а также в крызском языке (экспедицией ОСИПГ МГУ под рук. А.Е. Кибрика в 1978 г.), М.С. Житомирской были обнаружены и записаны экспедицией Семинара фонации в лакском языке [9].

Дальнейшее развитие получила тонологическая гипотеза происхождения аварского ударения. Три акцентные парадигмы аварских существительных, типологически близкие балто-славянским, были описаны В.П. Назаровым. С.Л. Николаевым была установлена связь неподвижной акцентной парадигмы с прадагестанской фарингализацией. На основании соответствия аварского ударения и андо-цезских тонов С.А. Старостин предположил тональное происхождение аварских акцентных парадигм [55].

В рамках тонологической гипотезы продолжались исследования индоевропейской акцентологии. Работа С.Л. Николаева и С.А. Старостина по

<sup>1</sup> Обзор за предшествующие годы см.: Ностратические и акцентологические исследования при Институте славяноведения и балканистики АН СССР. – Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов. М., 1977, с. 79–83. Оработках Семинара в 1986–1989 гг. читатель может получить представление по материалам конференции "Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока", проходившей в Москве 28 мая – 3 июня 1989 г. [56].